

Московский Общественный Научный Фонд

(с 1993 г. по август 1996 г. — Московское отделение Российского научного фонда) — неправительственное некоммерческое общественное объединение, ставящее своей целью содействие развитию гуманитарного и общественно-политического знания в России и СНГ через поддержку научных исследований в области политологии, социологии, права, экономики и отечественной истории в интересах укрепления Российской Федерации и ее взаимовыгодных связей с другими государствами, осуществление научно-образовательных программ, содействие развитию межрегионального и международного научного сотрудничества, содействие распространению идей демократии, патриотизма и свободы.

Президент Московского общественного
научного фонда - А В КОРТУНОВ

Наш девиз: "РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ".

Б.А.Камкия
ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ
ВЛАСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ
ГОСУДАРСТВЕ

*Опыт политологической интерпретации общественно-государственных
отношений
в Грузии и Абхазии в конце 80-х - начале 90-х годов*

В очередном выпуске серии публикуется работа исследователя из Абхазии к.ф.н. Б.А.Камкия. Она посвящена анализу одной из важнейших проблем политического развития посткоммунистических обществ в странах СНГ. На материалах последнего десятилетия в докладе анализируются особенности развития этнонациональных процессов в Грузии и Абхазии в контексте остро конфликтных отношений между федеральной и местной властями в условиях становления новой модели государственности.

Редакционная коллегия серии:
д.пол.н. А.Д.Богатуров, к.с.н Т.Э.Петрова,
д.э.н. М.А. Портной, к.ю.н. Н.А.Шебанова

Серия основана в 1992 г.

Мнения, высказанные в докладах серии, отражают исключительно личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с позициями Московского общественного научного фонда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ В СИСТЕМЕ "ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ"

1. ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ
2. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В АНАЛИЗЕ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
3. ТИПЫ НАЦИОНАЛИЗМА И ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ

Глава II. ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ

1. ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИИ И ЛЕГИТИМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
2. МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
3. ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ "ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ" И НАСИЛИЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Введение

В посттоталитарный период на территории бывшего СССР идет процесс формирования новых национально-государственных устройств. Это происходит в районах с высокой степенью социокультурных и религиозных различий между этническими группами и отдельными регионами. Поэтому основным центрообразующим условием выступает проблема легитимности политической власти

Исследование этой проблемы в системе "центр-периферия" продиктовано практикой переходного периода и условиями реформирования национально-государственных образований, поиском путей совершенствования политических систем. Анализ позволит ответить на вопрос: почему конституционные решения недостаточны при организации политической системы многонационального государства? Легитимность власти в системе "центр-периферия" формируется в специфических условиях огромного разнообразия национальных, этнических региональных и других интересов. Это создает трудности для становления признаваемых большинством систем ценностей, а также осуществления властных функций посредством демократических методов и способов.

В период модернизации возрастает влияние цивилизационных элементов на легитимацию власти в обществе, разделенном "центро-периферийными" этническими общностями. Они идентифицируются с носителями локальных ("периферийные" этносы) и глобальных ("центральные" этносы) культур, объединенных в единую систему многонационального государства. Стабильность в полиэтничном государстве

невозможно гарантировать без значительной меры интеграции. Последний определяется легитимацией власти "центра" - легитимацией системы.

Легитимация власти - уникальный феномен, позволяющий снять политическую напряженность между этносами, консолидировать конфликтующие группы, сохранить стабильность и целостность государства. Децентрализация, сопровождаемая этническими конфликтами, во многом объединяется тем, что власть центра осуществлялась при отсутствии должного доверия и согласия между "центром" и "перифериями". Конфликты и разногласия в полиэтничной среде, видимо, никогда не иссякнут, но они с необходимостью предполагают согласие. Практическое воплощение идеи легитимации власти в системе "центр-периферия" предполагает интеграцию этносов, нации, народов в многонациональное государство.

Э.Шилз считал, что власть имеет не только прямой политический смысл, но и косвенный - культурный. Именно в этом аспекте она особенно важна для формирования полиэтничного государства, в котором характер взаимодействия этнополитики "центрального" и "периферийного" этносов определяется типом легитимации.

Модели легитимации политической власти в системе "центр-периферия" позволяют интерпретировать власть центра не как насильственное подчинение, истребление, ассимиляцию. Речь идет о способности вбирать качества всеобщего авторитета, лидера в процессе преобразования полиэтничного общества. Политическая власть в системе многонационального государства не может быть легитимной, если она не исходит из реальных процессов в жизни конкретных этносов, их сознания, психологии, ценностных ориентации, испытывающих или не испытывающих притяжения со стороны иных систем, иных центров, а также из адаптационных возможностей этносов к формационным изменениям. Единство и целостность многоэтничного государства с высокой степенью социокультурных различий может быть стабильным и прочным, если оно основано на комплексе убеждений, верований, идеологий, соотносящихся с ценностными ориентациями, интересами, установками и формами мышления этносов, образующих данное государство. Если политическая власть "центра" существует в отрыве от указанных факторов, влияющих на ее признание, то легитимация все больше принимает форму насилия.

В течение долгого времени в советской общественной науке существовало предвзятое отношение к проблеме легитимации власти. Обращая внимание на ее теоретическую важность, многие авторы тем не менее считали ошибочными те варианты решения проблемы, которые выходили за рамки традиционных юридических представлений о власти центра и не находили достаточного подтверждения в официальной идеологии. Приоритет в области исследования проблем легитимации политической власти был отдан до недавнего времени правоведам.

Проблема легитимации в их интерпретации выглядела достаточно односторонней - как укрепление социалистической законности и никак не связывалась с национальной политикой. В результате легальность и легитимность власти отождествлялись. Такой подход до сих пор себя не изжил.

Однако в последние годы меняется отношение к проблеме легитимации политической власти, что дает возможность глубже изучить этнические процессы и факторы, способствующие интеграции дезинтеграции фации, устойчивости национально-государственных устройств. Это выразилось в выделении регулятивных факторов политики, благодаря которым насилие и сила рассматриваются во взаимосвязи с другими регулятивными механизмами (культурными, религиозными, социально-психологическими и т.д.). Поскольку институты политической власти взаимодействуют в контексте общих и смежных систем соподчинения, постольку решение проблемы их взаимодействия требует анализа оснований политической власти и динамики соответствующей ей легитимации.

Широкое обсуждение политических проблем, связанных с процессами распада СССР и образования новых национально-государственных устройств, обнаружило явный недостаток исследований по проблеме легитимации политической власти. Степень научного осмысления проблемы не соответствует широкому употреблению понятия "легитимация" и значимости этого явления в политической жизни общества. В современной отечественной научной литературе нет работ, специально посвященных проблеме легитимации власти, в том числе вопросу о легитимации власти в полиэтничном государстве. Проблемы данной области знания пока еще рассматриваются как часть более общих проблем.

Неизученность этого ряда принципиально важных вопросов побудила автора предпринять данное исследование, в котором проблемы легитимации власти рассматриваются в новом аспекте – этническом. Если легитимация есть этический аспект власти, то ее формирование в полиэтничном обществе не может не зависеть от систем этнических ценностей.

В контексте исследуемой автором проблемы ценности и символы рассматриваются в ракурсе этнического самосознания, которое понимается в самом широком смысле как значимость явлений и предметов реальной действительности, главным образом, в функции социально-нормативных регуляторов поведения людей, как коллективные представления, имеющие личностный смысл. Ценности и символы, пожалуй, более чем какой-либо элемент этничности, являются "конструктами" разного уровня - глубинной личностной актуализированной и идеологизированной значимости. Личностные, глубинные, ценностные структуры, в соответствии с которыми люди конкретной этнической общности в той и ли иной мере строят свое поведение, как бы

входят в ментальность народа, выстраивая свои принципы легитимации власти.

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ В СИСТЕМЕ "ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ"

1. Легитимация власти в полиэтничной среде

Легитимность политической власти - это смысл ее существования, подтверждение

События последних лет в посткоммунистических странах выявили достаточно общую тенденцию, многие общественные процессы в условиях глубоких социальных преобразований и политической неустойчивости требуют обоснования ее правомочности, ее решающее обоснование. Откуда берется всегда политическая власть? Почему миллионы людей подчиняются нескольким? Во имя чего одни приказывают, а другие повинуются? В каких случаях и почему лидеры государств и общественных движений обращаются к национальной государственности и подвергающемуся угрозе суверенитету как к объединяющему и готовящему к войне лозунгу? В каких случаях и почему национально-государственная принадлежность оказывается важнее других форм самосознания? Почему некоторые формы национализма оказываются более враждебно настроенными и воинственными, чем другие? Эти давно волнующие человека вопросы вновь с особой силой встали перед нами.

Сегодня "хорошо известно, что этническое сознание является универсальной, "потенциальной возможностью", реализуемой, то есть объективизируемой и превращающейся в утверждающее себя самосознание при определенных условиях. Можно говорить о реакции со стороны культурно оформившегося сообщества на угрозу своему существованию, своей целостности или своим интересам. При таком подходе этничность не есть "вещь" в себе (или для себя), но представляет собой некую

имманентную способность, принимающую выраженную форму в ответ на внешнее воздействие. Отсюда легитимационный ресурс политической власти, оформляющей разные типы и формы национальных движений, политическое самосознание которых есть результат диалектического взаимодействия локальных и глобальных процессов исторического развития. Современный мир одновременно характеризуется глобализацией культуры ("деплюрализацией") и ростом локализма ("плюрализацией"), диалектическим взаимодействием их. Несмотря на то, что количество символов и образов, обращающихся в мире и претендующих на универсальность, все время возрастает, последнее десятилетие демонстрирует невозможность универсальной формы их практического воплощения. Знак может быть всеобщим, но вызываемые им смысловые ассоциации всегда локальны: действительно, смысл никогда не равен знаку, но всегда "профильтровывается" через привычные категории и понятия данной этнической культуры. Отсюда разность принципов и методов легитимации в процессе демократизации обществ по отношению к таким ценностям и символам, как коллективная и индивидуальная безопасность права и свободы граждан, "национальное строительство", "национальная интеграция", "которые стали святыми обязанностями новых государств"¹.

Глубинные противоречия, гражданская война, этнические конфликты, проявления коллективного насилия в Грузии демонстрируют невозможность прямого воплощения "идеального типа" демократического государства. Весь трагизм такого пути получил выражение в шуточной фразе депутата парламента Грузии Джабы Иоселиани, ставшей впоследствии крылатой: "Демократия - это вам не лобио (грузинское национальное блюдо из фасоли) кушать"².

Таким образом, введение демократического правления или, скорее, переход к нему от предыдущей практики недемократических режимов породил острое межэтническое соперничество и конфликты. Насилие стало главным орудием осуществления демократической политики.

Н.Макиавелли писал, что люди подчиняются в силу того, что ими движут две основные вещи: любовь или страх. Управляет ими тот, кто заставляет себя любить, или тот, кто заставляет себя бояться. Более того, в большинстве случаев ведет за собой и подчиняет себе тот, кто внушает любовь³. Но если бояться того, кто внушает страх, а страх - это производная силы - "сила - это страх в действии"⁴, то повиновение основано на силе. Так что, если придерживаться такой точки зрения, именно сила в конечном счете склоняет людей к повиновению.

Противоположный Макиавелли тип мышления представляет классическая концепция легитимации М.Вебера, где сила - это не специфическое содержание норм права, легитимирующие политическую власть, а инструмент, благодаря которому большая часть правовых норм внушается недовольным. Концепция легитимации Вебера выделяет три типа легитимной власти: традиционный, харизматический и легальный. Первый из них основывается на повседневной вере в священный характер традиций, имеющих силу испокон веков, и вере в легитимность тех, кто облечен властью. Второй основывается на необычайной преданности священному характеру, героической силе или образцовым качествам личности, а также установленным или созданным этой личностью порядкам. Третий основывается на вере в легальность установленных порядков и вере в легальность права отдавать приказания, принадлежащего тем, кто призван отправлять власть на их основании.

С точки зрения концепции легитимации М.Вебера, "власть означает ситуацию, в которой продемонстрированная воля руководителей или правителей имеет целью формирование поведения другого человека или других людей, и фактически формирует это поведение таким образом, что их действия ... осуществляются так, как будто управляемые по собственной воле содержание приказа сделали правилом своего поведения. Взятая, с другой стороны, эта ситуация будет определена как

повиновение"⁵. В данной формулировке лучше, чем в других находит отражение общеметодологический принцип "социологии понимания" М.Вебера. Согласно этому принципу, действиям человека дает направление субъективный "смысл", приписываемый данному действию, и задача социологии состоит в том, чтобы этот "смысл" выявить.

Рассматривая процесс ориентации на институты власти и на управляющих лиц со стороны политического "актера", можно сказать, что вера в легитимность власти мотивирует поведение индивидуума и наполняет "смыслом" повиновение, оказываемое власти. Это действует в силу правила, признаваемого независимо от специфических обстоятельств пространства и времени, а также содержания приказа или распоряжения. И противоположное этому мы наблюдаем при отсутствии легитимации власти, когда эти специфические обстоятельства создают собственное понимание легитимности, включая иной "смысл" в содержание приказа или распоряжения.

Не столь важно знать облик, который в каждом отдельном случае может приобрести вера: благоговение ли перед трансцендентным божеством или советский мессианизм. Что, однако, важно – это то, что без этой веры не может быть обеспечена стабильность в полиэтничном государстве, и не может быть демократически легитимной публичная центральная власть, являющаяся конституирующим и системообразующим элементом национально-государственного устройства. Чтобы быть стабильным и положительным в пространстве и времени, представители этносов должны обладать верой. Либо они могут сомневаться, а "сомнение - это текучая субстанция, на которой человек не может устоять и падает"⁶. Ибо он в поисках иного "смысла", иной веры. Это становится основой "делегитимации центральной власти и образования нового "центра".

Веберовская концепция "ценностной рациональности" социального действия рассматривает веру как основу легитимной власти. Это относится к любому "актеру" политического действия, будь то отдельная личность или группа, и приписывается ему "мотив", который одновременно определяется как некоторый "смысл". "Мотив" обуславливается субъективным аспектом действия, а "смысл" - объективным аспектом. "Смыслом" может быть некоторая цель, ценность, эмоция и символ.

Так как социальная деятельность осуществляется в знаковой среде, то она так или иначе является коммуникативной деятельностью. В своих знаковых функциях символ выступает как "предельно концентрированное обобщение, как смысл, идея, явление" и как условный знак, эмблема того или иного статуса. Исследование символов двух этнических общностей, абхазов и грузин показывает исторически сложившуюся систему знаний, символов и значений, принимаемых членами одной общности. Если говорить о структуре этнической культуры, то именно знаковым характером человеческой деятельности обусловлено то, что на базе одних и тех же универсалий объективной реальности возникают особые, различающиеся реальности этих культур. Этнические культуры складываются в процессе семантического освоения объективных условий, в которых существует данная общность людей. Это способствует выработке собственных принципов легитимации власти.

Субъективный "смысл" или "мотив" не может быть одинаковым" для всех участников направленного друг на друга действия. Так, например, "дружба", "уважение", "справедливость", "соблюдение договора", с одной стороны, может встречать совершенно иное отношение с другой стороны. Скажем, принципы оправдания власти в Тбилиси посредством апелляции к идеям справедливого и демократического предоставления абхазам прав нацменьшинств в соответствии с "международно принятыми стандартами" на доминирующую группу -грузинский этнос "работают". Это символизирует "правящую и великую нацию" (по терминологии М.Гроха). Тогда как понимание справедливости и демократии абхазами выстраивается в соответствии с символами "малой и угнетенной нации" (по М.Гроху).

Веберовская "ценностная рациональность" предполагает коммуникативно осмысленные действия партнеров, в том числе, по мнению автора, и во взаимодействии доминирующего "центрального" с "периферийными" этносами, на которые распространяются функции правящих и управляемых, ориентирующихся на символическую структуру "смыслов" и на достижение "согласия" - легитимацию Действия этнонациональных групп, включенных в центр-периферийную систему, основаны на собственных "смыслах", так как центрально-периферийные отношения с обеих сторон являются объективно-односторонними. Легитимация системы, то есть снятие противоречия, происходит следующим образом: каждый представитель полиэтничного государства - "актер", интерпретируя "смыслы", принимает по отношению к ним и другим субъектам объективирующее отношение, которое состоит в том, что отпадает необходимость во взаимопонимании "смыслов". Действие признающего данную центр-периферийную систему этноса происходит, по сути дела, так, что "содержание приказа по отношению к нему стало правилом его поведения"⁷. Субъект - представитель этноса - трактует законы "центра" как универсальные правила, принимающие обязательный глобальный характер. Доступ к "смыслам" возможен только через взаимное согласие (коммуникативно), а не в одиночку (монологично).

Коммуникативная модель ориентирует действие таким образом, что партнеры ("центр" и "периферия") рассматривают "смыслы" как правила своего поведения, действия. Они трактуют их не как субъективные "мотивы", а как внутрисубъективно признанные "смыслы". Эти "смыслы" означают совместное и согласованное определение политической системы.

Отсутствие этнических конфликтов в рамках многонационального государства СССР объясняется во многом наличием внациональной идеи - построение коммунистического общества. Аналогично функцию объективации в современных условиях может выполнить идея "евразийского сообщества", основанная на транснациональных ценностях, при которых становится возможным придание "смыслам" объективного характера как элементам символически структурированной действительности в сознании "актера".

Как известно, ни одна власть не ограничивается добровольно только материальными, эмоциональными или идеальными мотивами в качестве основы, гарантирующей ее прочность. Каждая старается пробудить и упрочить веру в свою легитимность. То, что пробуждение и усиление веры может основываться только на легитимации, приводящей к соответствующей интерпретации властной ситуации и признанию управляемые притязания властей справедливыми, свидетельствует утверждение Вебера о том, что любой власти требуется самооправдание. "Прочное осуществление власти всегда ... отличается сильной потребностью в самооправдании посредством ссылки на принципы своей легитимации"⁸.

Анализируя феномен прихода к власти интеллектуалов-политиков, стоявших во главе национальных движений в посткоммунистическом пространстве, В.Тишков пишет: "Суть этого явления с точки зрения социальной антропологии может быть рассмотрена в том, как борьба за власть знаний и борьба за власть посредством знаний. И в этой борьбе в распадающемся многоэтничном государстве знания археологов, историков оказались самыми профессиональными в смысле их востребованности и возможности воздействовать в целях политической мобилизации"⁹. Не есть ли это, с точки зрения веберовской концепции, объективная потребность этнических общностей в обретении собственных "смыслов", а значит, и в придании веры в политическую власть? И не является ли приход именно гуманитариев к власти первым шагом в обретении этой веры? Ибо этой веры достоин тот, кто выражает внутрисубъективно признанные "смыслы", то есть тот, кто лучше всех объяснит мне мою историю. Если вслед за М.Фуко понимать дискурс как обладающий внутренним единством способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных, практиках,

как способ не только отражения мира, но и его проектирования и сотворения, то мы должны будем признать, что и ученые, будучи частью этого общества, являются участниками этого дискурса. (Симптоматичен в этом смысле состав политической элиты Республики Абхазия: Ардзинба В.Г. - доктор исторических наук, проф.; Акаба Н.Н. - кандидат исторических наук, доцент; Воронов Ю.Н. - доктор исторических наук, профессор; Дамения О.Н. - кандидат философских наук, доцент; Лакоба С.З. - кандидат исторических наук; Логинов В.И. - кандидат исторических наук, доцент; Кварчия В.Т. - кандидат исторических наук; Шамба С.М. - кандидат исторических наук, доцент.)

Концепция легитимации Вебера предполагает существование обыденного, нерелексирующего сознания, на уровне которого политические отношения приобретают различную форму и интенсивность: пассивное согласие с властью, сочувствие правительству в его действиях, одобрение и доверие к принципам правления; и развитого саморелексирующего сознания, на уровне которого политическая вера получает форму убеждения в том, что система власти воплощает ценности, которые индивидуум считает достойными для реализации в действии, а необходимым условием достижения успеха является подчинение.

Выделенные Вебером уровни сознания, являясь индикаторами определения легитимации политической власти, выявляют степень устойчивости политической системы. При отсутствии легитимации обозначенные выше признаки переходят противоположную позицию - отрицание.

На наш взгляд, действенный характер понятия легитимации позволяет определить меру легитимности действий властей "центра" и "периферии", взаимодействие которых обеспечивает устойчивость системы.

При монологичной модели действия легитимация происходит на уровне изолированного сознания, что означает одностороннее принятие "смыслов". Подчинение в таком случае представляется не выходящим за рамки психологического явления, носящим кратковременный характер. Политическая система при этом неустойчива. Мотивация повиновения отделена от обоснования, ибо легитимация основывается на принятии "смыслов", опирающихся на базовые интересы и потребности (самосохранение, самореализация, сохранение чувства собственного достоинства) индивидуума. Таким образом, власть "центра", основанная на монологичной модели влияния и подчинения элементов системы, неспособна обеспечить их взаимодействие.

Эта модель реализации легитимации власти наблюдалась в Грузии. Так, в центральных средствах массовой информации Грузии в поисках "смыслов" в идеологических доктринах построения государства посткоммунистического периода выступали представители доминирующего этноса - грузинского. Их суждения в целом сводились к лозунгу "Грузия - для грузин", что привело к падению легитимности власти "центра" на "периферии" и пропорциональному подъему легитимности власти "периферии".

Политика радикального национализма в основе своей строится не на противоречиях ценностей социального порядка, а на противоречиях межэтнических отношений. Это проявилось в борьбе за перераспределение ценностного ресурса власти в постсоветском пространстве, которое происходило между центром и республиками по дихотомии коммунизм - антикоммунизм. В условиях отсутствия состава "политического" на республиканском уровне, когда "власть срастается с толпой", и "тотальное равенство" не оставляет места "политическому" (а "власть произрастает из объективных различий"¹⁰), при несформировавшихся социальной стратификации и плюрализма интересов (в этот период наблюдалось отсутствие в средствах массовой информации внимания к социальным проблемам при стремительном падении жизненного уровня) источником власти ("неравенства") становится этнодифференцирующий принцип "мы - они", "свой - чужой", "коренной - некоренной"

и т.д., воплощающийся в доктрине "национальной безопасности". Этническое пространство ценностей, отстаивание которых сплачивает, создавая изоляционные барьеры, отсекает от несхожих групп. Об этом свидетельствует эволюция процесса легитимации власти в Грузии при З.Гамсахурдиа: от лозунга "Грузия - для грузин" до "Тот, кто убил грузина - враг народа", - из выступления католикаса Грузии Ильи П. Приход в октябре 1990 года к власти Гамсахурдиа ознаменовался ужесточением позиций Тбилиси по отношению к Абхазии и другим этническим меньшинствам. Из Грузии выслали часть дагестанских аварцев, русских духоборов, началась война против населения Южной Осетии, было отказано в праве вернуться в "родные места" туркам-месхетинцам. Эти действия поддерживали высокую степень мобилизации грузинского этноса для достижения приоритетных ценностей и символов (государственность, суверенитет, независимость, единство и территориальная целостность, "идеи свободы и демократии").

Коммуникативная модель легитимации власти означает взаимное принятие "смыслов" на легитимность системы, опирающейся на базовые интересы согласующихся сторон. Это внутрисубъективное признание символической структуры, описывающей отношения власти. Вера в справедливость политического порядка происходит на уровне обоснованного убеждения, которое должно вызвать психологическую мотивацию.

Таким образом, М.Вебер показывает, что одного только психологического согласия подданных недостаточно для того, чтобы судить о легитимности данной формы власти. Следовательно, Вебер допускает возможность для легитимации рационального понимания власти. Так, понимание региональной и геополитической безальтернативности некоторыми субъектами Российской Федерации опирается не столько на апатию и привычку, сколько на осознание своего геополитического и экономического положения, которое детерминирует политическое поведение. Ю.Хабермас выделяет три типа легитимации, существующих в истории: догматический, процедурный и перспективно-революционный. Первый тип легитимации соответствует ранним традиционным культурам, в которых власть легитимизировалась посредством мифов, описывающих ее происхождение. С развитием традиционных культур функцию легитимации выполняли космологически ориентированные этика, религия, философия, которые апеллировали к великим отцам-основателям: Конфуцию, Сократу, Иисусу. Повествование замещается ссылками на определенные политические догматы и определенные авторитеты. При втором типе легитимации происходит замещение, как это имеет место у Канта или у Руссо, субстанциональных основ формальными принципами или формальными условиями легитимации. Именно в теории общественного договора указывается на процедуры и формальные условия, как на легитимную основу власти.

С точки зрения исследуемой проблематики интерес представляет и третий тип легитимации власти перспективно-революционный. Данный тип легитимации преимущественно имеет место тогда, когда происходят радикальные изменения в общественно-экономической, социальной сферах.

По отношению к власти первые два типа легитимации - процедурный и догматический - являются внешними, так как при этом власть представляет собой контрольную инстанцию, которая имеет легитимную силу благодаря аргументации или процедурам. При перспективно-революционном типе легитимации нарушение каких-либо принципов или формальных требований не может быть причиной потери легитимности. Поэтому эта власть может совершать любые действия. Она может произвольным образом организоваться и организовывать общественную жизнь. Единственным императивом, которым руководствуется центральная власть, является удержание самой власти. По прагматическим соображениям власть может апеллировать к существующим представлениям о всеобщем благе и способах его

достижения. Однако эти представления не имеют решающего значения в принятии решения. Поскольку эти представления продукт непреодоленного прошлого, постольку они не могут служить революционным целям. Легитимация этого типа в отношении подданных носит тактический характер. Это выражается в несоответствии притязаний с реальными способами и возможностями их удовлетворения. Так, провозглашение в период 3.Гамсахурдиа курса на высокий уровень государственности и благосостояния, хотя и кратковременно, но было легитимным, несмотря на невключенность в процесс выработки и принятия решений экономических, геополитических, национально-этнических факторов.

В рамках перспективно-революционного типа легитимации отсутствует возможность познавательного принятия или отклонения доказательств, ибо доступом к знанию будущего устройства и путей его реализации обладает только власть в лице своих представителей. Только она может принципиально решить вопрос о справедливости притязаний власти на легитимность. В этом типе легитимации нет деления на высказывания констатирующие, высказывания экспрессивные и высказывания нормативные, что не позволяет подвергать притязания власти на легитимность логической проверке. Это связано с отсутствием различия между политической сферой и сферами, лишенными политического значения. В период тотального переустройства национально-государственных образований и установления нового типа общественных отношений не может быть политически незначимых областей.

Исходя из концепции Вебера и Хабермаса, безусловно, общим для них является то, что право на политическую власть не упирается в конечном счете на что-либо юридическое, а коренится в специфической и всеобщей ситуации коллективной жизни. С их точки зрения не представляется возможным идентифицировать легитимность с эффективностью политической власти. В отличие от эффективности легитимность не является юридической категорией, и поэтому определить ее правовыми формулами - значит поверхностно понимать ее природу. Легитимность не является объективным качеством власти. "Относительно власти не различают ее легитимность или нелегитимность подобно тому, как, пользуясь соответствующим юридическим инструментом, различают монархическую или республиканскую форму правления, централизованные или федеральные структуры"¹¹.

Проблема формирования разных типов легитимации в условиях многообразия ценностных систем, ориентации, социокультурных особенностей этнических групп слабо разработана, что придает значимость методологическим ориентирам М.Вебера и Ю.Хабермаса в определении типов легитимации политической власти. Их классическая типология сохраняет, безусловно, свою эвристическую ценность в исследованиях современных политических процессов. Автор полагает, что применительно к этнонациональным процессам в постсоветском пространстве на основе этой типологии можно "вывести" два типа легитимации, охранительный и унификаторский. Взаимодействие властей "центра" и "периферии" становится трудноисследуемой без изучения формирования типов легитимации в различных регионах, этнических образованиях, а следовательно, изучения системы, являющейся условием устойчивости национально-государственных образований.

Так, к примеру, Аджария, Южная Осетия, Абхазия легитимизировали власть лозунгами антиколониальной национально-освободительной борьбы, апеллирующими к историческому героическому прошлому, к проблеме выживания культур, самосохранения; тогда как консолидация власти "центра" вела к легитимации системы ссылок на требования европейских стандартов организации национально-государственных устройств, основанных на принципе сохранения территориальной целостности, соблюдении прав человека и прав нацменьшинств. Механическое перенесение западной модели государственного устройства на процесс

реформирования прежних центропериферийных отношений привел к глубокому кризису. Игнорирование "центром" специфики этнических, региональных особенностей стало "вызовом" для легитимации обособления на "периферии" и образования своего "центра". Власть "центра" - Тбилиси легитимизировала себя лозунгами защиты национальной культуры, по сути дела, реализовав принцип: "Одно государство - одна культура". Легитимность Абхазии обосновывается, с одной стороны, исторической аргументацией права на суверенитет республики в прошлом, и, с другой стороны, применением "центром" силы - в настоящем. Это делает власть, ведущую национально-освободительную борьбу, легитимной.

В приведенных выше примерах мы наблюдаем присутствие охранительного на "периферии" и унификаторского в "центре" типов легитимации политической власти. В условиях трансформации многоэтничного государства процесс модернизации, разрушающий прежнюю систему взаимодействия "центра" и "периферии", вызвал создание новых типов легитимации власти, ведущей к децентрализации и дезинтеграции. Это не может не влиять на изменение политической системы многонационального государства, следовательно, и на формирование режима. Наличие того или иного способа легитимации власти обусловлено многими факторами, образующими неравенство между этносами в его историческом, социальном и политическом развитии.

Легитимность власти основывается на доверии. Не существует политических режимов, легитимных самих по себе. Однако существуют режимы, легитимированные подданными, верой или убеждением последних в том, что правители имеют право отдавать приказания. А и убеждения вытекают из ценностей, внутренне присущих "обществам" - различным этническим группам. Поэтому для понятия легитимность в полиэтничном государстве сфера этнических ценностей является собственной. Эти ценности оправдывают и утверждают те способы, согласно которым власть организована, отправляется и ограничивается. Эти ценности определяют также и ответственность тех, кто участвует в политических отношениях. Их можно определить и как принципы долга. С помощью описательных терминов ценности определяются как признанные основы или фундамент долга, благодаря которым делаются приемлемыми институты и политическая практика. Отсюда - неразрешимость проблемы легитимации с помощью таких категорий, как эффективность, принадлежащих другой области исследования. Отсюда же необходимость рассмотрения легитимности с учетом субъективных представлений как об историческом прошлом, так и о политическом процессе в настоящем, формирующихся под воздействием ценностей и символов разных этносов.

"В исчерпни настоящее воздействует на будущее не только непосредственно, но и через прошедшее. Ретроспективный взгляд из момента взрыва на то, что ему предшествовало, способен переосмыслить весь ход истории и вновь повлиять на будущее"¹². Это положение дает основание говорить о противоречии между универсальными ценностями политических идеологий и их локализацией, создающей свою символическую структуру. Так, терминальной ценностью (ценностью-целью, касающейся конечных состояний бытия) для "центра" - Тбилиси явилось унитарное национальное государство современного европейского образца (по средствам достижения - периода насильственного формирования наций-государств, что проявилось в форсированном введении института префектуры в полиэтнонациональной среде при З.Гамсахурдиа), приобретшего геоидеологическую значимость.

Одним из фрагментов "ретроспективного взгляда" в историю, сформированного в "момент взрыва" и объясняющего, на наш взгляд, стремление Грузии "идти по стопам" христианского Запада выглядит так: "...Грузия - это же маленькая страна, но существует до сих пор, хотя и не раз сожженная, доведенная почти до истребления, поработанная монгольской империей, арабами, персами. Видите, монгольской

империи не стало, а Грузия продолжает существовать и до сих пор удивляет мир своей культурой во всех ее сферах и наукой. Наша страна, как птица Феникс, восстает из пепла. Итак, на вопрос: "Как же она существует до сих пор?" ответ только один, другого ответа нет. Она существует до сих пор потому, что сохранила христианство (причем единственная церковь православия, где не было ереси, - это очень, важно), и Христос сохранил нас. Знайте твердо: кто поднял руку на эту Богом благословенную церковь и народ, тот поднял руку и на самого Бога"¹³.

По мнению Дж.Армстронга, особую устойчивость символично-мифическим структурам придает их соединение в некий единый комплекс - мифомотор, который обозначает конституирующий миф какой-то общности, объясняющий и оправдывающий ее существование¹⁴. Мифомотор является доминирующим принципом для легитимации власти. Для Грузии, как и для других пограничных государств в христианском ареале, свойственно ощущение своего предназначения, избранности. Народ, находящийся на периферии своей религиозной цивилизации, "отстаивающий веру", ощущает свое превосходство над более защищенными собратьями по религии, следовательно, имеет обостренное национальное сознание. Отсюда проявления национального радикализма.

Невозможно изолировать право на власть от коллективной жизни или оборвать связь, объединяющую право с верованиями, идеалами, убеждениями, то есть с тем, что характеризует культуры разных народов. Действительно, трудно понять, почему люди проявляют повиновение, если нормы, регулирующие их поведение, не основаны на определенном комплексе убеждений, верований, идеологий, соотносящихся с типом динамики развития той или иной общности. Видение демократии, например, вырабатывается из "современной ситуации", что проявляется в интерпретации новых реалий исторической судьбы. Эти процессы осуществляются в символах, которые отражают запросы текущей социально-политической ситуации, Стремительное "введение" демократии в Грузии востребовало знаки и символы, находящиеся в антагонизме с коммунистической идеологией, - диссиденты З.Гамсахурдиа, М.Костава. Предельное отрицание коммунистической системы выразилось в факте восхождения на политический Олимп Грузии "вора в законе" Джабы Иоселиани, являвшегося долгие годы узником ("жертвой") этой системы.

Выработанный В.П.Макаренко подход к анализу определения легитимации политической власти, выразившийся во введении в научный оборот понятия "частичной легитимации", позволяет разграничить признаваемые идеалы ц данности от процесса их воплощения в реальность: "... легитимность есть такое состояние политической системы и всех ее элементов, когда они признаются и одобряются всеми гражданами на том основании, что обладают правотой и истиной. В этом смысле ни одна из политических систем прошлого, настоящего и будущего не является абсолютно легитимной"¹⁵.

Данное положение представляет для нашего исследования ценность, ибо достижение абсолютной легитимности в системе "центр-периферия" также недостижимо и может определяться как относительная легитимация. Это происходит в силу невозможности одинакового восприятия "периферией" легитимизирующей центральную власть идеи и, соответственно, методов и способов ее воплощения. Очевидность этого положения проявилась в период модернизации постсоветского пространства. Проявившиеся в общественном сознании цивилизационные ("этногенные") элементы способствовали появлению своих "центров тяжести" как в "центре", так и на "периферии", образуя собственное пространство легитимности. Последнее выразилось в принятии "центром" и "периферией" преимущественно "западной" или преимущественно "восточной" системы политических ценностей. В зависимости от избранной ориентации дифференцируются объекты легитимации. В политологической литературе по-разному понимаются объекты легитимации. Одни

авторы относят к ним общественный строй, другие - политическую систему, третьи - политические институты, четвертые пишут о политических структурах, процедурах, решениях, действиях, чиновниках и направлениях государственной политики, а пятые - о правительственной власти, политическом режиме, учреждениях и механизмах осуществления власти. Факт разброса мнений свидетельствует о том, что политическая практика разных народов имеет приоритетный объект легитимации власти в политической системе. Если объектами легитимации в западных демократических странах становятся политические программы и принимаемые политические решения, то в странах, составляющих "восточный" тип цивилизации, объектами легитимации являются вожди, лидеры, международные союзы. Вожди и лидеры в данном случае выступают символами достижения некоей цели, нормативной ценности. С либеральной демократической точки зрения легитимной признается такая власть, которая сформировалась в результате демократических процедур и представляет собой консенсус между индивидом и обществом, властью и гражданином.

Никакая власть не является вечной. Мирные и вооруженные конфликты в центро-периферийной системе - постоянная характеристика истории государств XX века. Недоверие к власти определяется прежде всего противоречием между разными пониманиями "смыслов" универсальных ценностей, политических идеологий ("общее благо", "свобода", "равенство", "справедливость"). Так, например, в странах Запада понимание "смысла" выразилось в мифе "равных возможностей", в восточных странах ту же функцию выполнял принцип "каждому по труду".

По мнению автора, различные этнические общности, образующие центро-периферийную систему и различающиеся относительно выбора объекта легитимации, развиваются преимущественно по "западной" или "восточной" политической модели. Это ставит проблему легитимации власти системы.

Облик и способ функционирования политического института в значительной мере определяется характером его легитимации. Политическая легитимация власти в центро-периферийной системе - это феномен, возникающий в процессе согласования базовых и духовных ценностей "обществ", что составляет условие формирования общественного консенсуса. В рамках этого консенсуса все участники политического процесса принимают его определенные условия и правила.

Легитимация власти в многонациональном государстве - это нахождение "консенсусного" и "конфликтного" потенциалов ценностных систем "обществ" на согласие - легитимацию системы.

2. Цивилизационный подход в анализе легитимации политической власти

Политические отношения определяются не только существующим соотношением сил, но также накопленными в ходе исторического процесса и передаваемыми в рамках культуры представлениями о мире, ценностями, образцами поведения. Взгляд на политику через призму культуры позволяет лучше понять, какая власть в какой степени, когда и для кого является ценностью, а также каково взаимоотношение между различными ценностями, например, между властью и собственностью, властью и престижем, властью и религиозной святостью, властью и моралью. Все эти взаимоотношения подвергаются изменениям, но в отдельных этнических культурах они отличаются значительной стабильностью. Разнородность культур позволяет понять, почему некоторые политические решения, соответствующие одним условиям, по отношению к одному народу дают ожидаемый эффект, а по отношению к другому приводят к неудаче. Различие культур - это различие способов восприятия действительности, способов ее оценки и, как следствие этого, - способа действий. Разнородность культур в центро-периферийной системе создает собственное понимание легитимности. Говоря о различии культур, мы подразумеваем этнические

группы, образующие центрo-периферийную систему многонационального государства. Их глубокие различия связаны с принадлежностью к различным цивилизациям, составляющим субстрат национальной культуры, порождающим сложные проблемы взаимной адаптации. Они затрудняют процессы политической и социальной интеграции. Свидетельство тому - исторический опыт большинства стран, население которых разнородно по культуре. Например, Югославия, Кипр, Эфиопия, Судан, Бирма, где всегда были сильны тенденции к дезинтеграции.

Национальным многообразием отличался СССР. С одной стороны, выделялось мощное славянское ядро, а с другой стороны - тюрко-мусульманский массив, входящий в иную этноисторическую провинцию. Несмотря на функциональные связи с российским центром, он не утратил многовековую самобытность, включая своеобразную систему ценностей, миропонимание и мироощущение, особые нормы и стиль жизни народов, испытывающих притяжение иного центра - Востока. Наряду с этим обособленной в социокультурном отношении оставалась западная периферия СССР - Прибалтика, Молдова, западные области Украины. Ряд этнорегионов внутри самой России занимают промежуточное положение, испытывая мощное влияние, и в то же время сохраняя традиционный пласт культуры, связанный с исламом, буддизмом, принадлежностью к иному хозяйственно-культурному типу.

"На развитие центробежных и центростремительных тенденций значительное влияние оказывают внешняя ориентация этнических сегментов. При ярко выраженной этнической гетерогенности народы часто тяготеют не друг к другу в рамках страны, к общему социокультурному ядру, а к близким им по культуре народам сопредельных или более отдаленных государств"¹⁶.

Глубокие, в значительной степени цивилизационные различия не могут не влиять на процесс формирования легитимации власти, что проявилось в создании параллельных политических структур власти в ряде субъектов Российской Федерации: Миллимеджлис в Татарстане (представительный орган), аналогичная властная структура в Чечено-Ингушетии, Конфедерация горских народов Кавказа, Международная Черкесская ассоциация и т.д. "Высокая, а подчас неожиданная актуальность этого (культурного - примеч. автора) достояния в немалой степени связана с интенсивными поисками не только национального, но и цивилизационного самоопределения освободившихся стран Азии и Африки, накладывающего отпечаток на существенные стороны бытия"¹⁷.

Во многом стихийность развития событий в посткоммунистическом пространстве объясняется слабой обоснованностью этнополитики цивилизационными процессами. Практически нет исследований об обусловленности формирования политической власти цивилизационными элементами, за исключением работ, которые в той или иной мере ставили проблему изучения цивилизационных контактов.

С точки зрения автора, этнос нельзя назвать только формационным явлением, так как его формирование не локализуется границами одной формации. История каждого этноса - последовательная цепь передачи людьми друг другу веками накопленного опыта освоения мира. Как элемент цивилизационной целостности, этнос находится в ценностном поле морали и нравственности, связанной с реальностями как этнонациональной, так и надэтнической сферы человеческой интеграции. Цивилизационная целостность не носит функционального характера, ее объединяет общность каких-то более глубоких, "интимных" свойств входящих в нее групп и индивидов"¹⁸. К.Юнг разделял цивилизации на "рациональные" и "аффективные". В этом значении западные философы для анализа различных типов цивилизации составляли такие характеристики, как "динамичность" и "статичность", "экстравертированность" и "интровертированность", "оптимизм" и "фатализм", "рационализм" и "мистицизм" как модусы западной и восточной культуры.

Политические поиски, обусловленные задачами создания новых национально-

государственных устройств на территории бывшего СССР, не могут не учитывать нарастания двух тенденций в развитии мирового исторического процесса, а именно: с одной стороны, с формированием единого экономического и информационного пространства в мировом сообществе все большее место занимают интеграционные процессы; с другой стороны - проявляются противоположные тенденции - движение к этнонациональной автономии. Эти два направления отчетливо обозначены в стремлении новых государств СНГ к модернизации экономики, ориентированной на демократические ценности и западные технотронные модели, а также в попытках к национальному самоопределению и суверенитету. В основе движения к автономии лежит объективная необходимость формирования "своей" власти для имеющей отличительные особенности в культуре, истории, геополитическом расположении общности.

Николай Данилевский, в свое время подметивший эту тенденцию, выразил ее в теории. Согласно этой теории, технология или материальная культура имеет тенденцию распространяться повсеместно, в то время как нематериальная культура может распространяться в границах собственной территории и не в состоянии охватить другие цивилизации, за исключением их отдельных элементов¹⁹.

Этим обусловливается актуализация в современном мире проблемы идентификации, то есть соотнесения себя с реальными процессами в мире, с той или иной цивилизацией, их потенциалами и достигнутым уровнем развития, так как признается факт неравномерности, а также относительной сравнимости развития. Проблема идентификации - одна из центральных тем для дискуссий в современной обществоведческой литературе. Это связано прежде всего с историческим поиском и выбором модели развития новой государственности, возможностей и путей модернизации, предоставляющих новые легитимационные ресурсы. Легитимна сегодня та власть, которая является результатом осмысления цивилизационной этнонациональной целостности. Это отражается в современных геополитических изменениях:

"Россия, покидая "территории - проливы", отходит "к себе", на "остров", с предельным восстановлением дистанцированности от иных евразийских этноцивилизационных платформ"²⁰. Легитимационный ресурс М.С.Горбачева как лидера Союза, построенный на ностальгических настроениях о прошлом, оказался более слабым, чем стремление пройти "неизведанное" в поисках новой идентичности.

В многонациональном государстве в период коренных изменений не могут складываться одинаковые взгляды на процесс модернизации, что может явиться для определенных политических кругов также ресурсом для спекулятивной легитимации как в "центре", так и на "периферии". Так, центральная власть в Грузии в период З.Гамсахурдиа в ответ на свое восприятие республиками (Абхазией, Аджарией, Южной Осетией) рыночных преобразований, складывающегося "пропусканием" через свою ценностную систему, легитимизировала себя посредством апелляции к политическим интерпретациям, сводящимся к отсталости и консерватизму "коммунистических" этносов, "тормозящих прогрессивное развитие" Грузии. При этом революционная ломка старого и создание одномерно нового становится "логической необходимостью", требующей со стороны центрального доминирующего этноса однородной ориентированности на полную элиминацию периферийного политического образования и легитимацию системы посредством насилия. Действуя при этом аналогично имперской политике сталинского периода, основанной на принудительной модернизации, сущность которой составляла один из рычагов механизма политической легитимации "центра". Ответом со стороны "периферии" на такие действия "центра" становится концептуальное оправдание абсолютной самостоятельности и ориентации на иные "центры".

Таким образом, главной проблемой в осуществлении легитимной модели власти в

полиэтничном государстве состоит в выработке идеологии многонационального государства, приближенной максимально к пониманию и разделению большинством этой идеологии, этих символов и знаков.

Цивилизационный подход в исследовании формирования власти ставит проблему адаптации "западных" и "восточных" моделей развития общества, влияющих на становление системы многонационального государства. Данный подход основывается на системном осмыслении проблем межцивилизационного контакта на национальном, региональном и глобальном уровнях, что должно обеспечить власть в политической системе полиэтничного государства основой, равно как и демократическими методами и средствами, решающими проблему устойчивости и стабильности.

Исследование содержания, границ и форм межкультурного взаимодействия стало характерной чертой трудов представителей различных обществоведческих наук, изучающих растущие в ходе модернизации и Культурно-информационного развития контактов между Западом и Востоком. Однако слабо исследованным остается политологический аспект, где данное взаимодействие может быть определено в политическом и политологическом смысле как грани согласия между разными ценностными системами посредством легитимации власти.

Если величины Запад и Восток принять в соответствии с формулой: Запад - лидирующий в модернизации, Восток - подвергающийся модернизации, то они приобретают центрo-периферийные отношения на глобальном уровне. Они влияют на формирование легитимации в многонациональных государствах в качестве новых источников легитимации преимущественно в модернистском или традиционалистском направлении. Очевидное экономическое превосходство подрывает в сознании национально-освободительных движений и освободившихся стран значимость экономических факторов как основы общественного бытия. Избегая навязываемой Западом модели национального существования и парадигмы модернизации, общественное сознание усматривает основу самоопределения в политике и культуре²¹.

Стремление противопоставить экономической западно-центристской модели развития свой тип организации общества вызвало к жизни различные концепции культурной и политической самобытности, в том числе в форме концепции национального возрождения с ориентацией по пути социализма или рыночной демократии, а также фундаменталистского обновления религиозно-государственных традиций. Легитимация "своей" власти проявляется в ориентации на различные культурные ценностные системы. Так, влияние различных "центров" на славянские народы приводило к отчуждению их друг от друга. "Внутри славянства произошло столкновение Востока и Запада. Славянский Запад чувствовал себя более цивилизованным, носителем единой европейской культуры. Славянский Восток противопоставлял Западу свой собственный духовный тип культуры и жизни"²².

Эти положения приложимы к системе центрo-периферийных отношений в формировании легитимной власти в постсоветском пространстве.

Одним из средств насильственной модернизации, требующей форсированного создания рабочего класса - нового источника легитимации власти в годы советской индустриализации, явилась депортация этнических групп. Неодинаковое восприятие и, соответственно, принятие индустриальной инновации в огромном многообразии культур стало преградой в этнонациональных регионах. Попадая из собственной цивилизационной ниши, ареала в иную среду, этнонациональные группы легко сбрасывали "груз традиционности", одновременно создавая эффект быстрой восприимчивости инновации²³. Легитимация власти "центра" обеспечивалась результатами индустриализации, приложением к которому является более высокий уровень производительности труда, чем предыдущий аграрный тип производства. Данный процесс способствовал нейтрализации особого пути развития "периферии", собственного видения инновации, что привело к унитаризации многонационального

государства.

Так, к примеру, за счет преимущественно переселенцев из Западной Грузии формировались в Абхазии рабочий класс, колхозники, служащие, интеллигенция, ставшие агентами индустриализации. Результатом этой этнополитической модели стала этническая стратификация в регионе, совпадающая с социальной стратификацией, углубляющей две линии легитимации власти на "периферии", что несет в себе высокий конфликтогенный потенциал, придающий нестабильный, неустойчивый характер центрo-периферийной системе многонационального государства.

Ценностные ориентации в формировании легитимации власти у абхазов, преимущественно апеллирующих к своему цивилизационному ("этногенному") субстрату, строятся в соответствии с пониманием проблемы этнической безопасности. В этих условиях легитимация власти не может не носить консервативный характер по отношению к реформам, тогда как агенты инноваций - иноэтнoсы (грузины, мингрелы и др.) ориентированы на мобильность. Поэтому процесс приватизации воспринимается неодинаково абхазами и грузинами, так как в случае приватизации, к примеру, земли взаимоотношения двух этносов принимают формулу: "лидер" (грузинский этнос) - "аутсайдер" (абхазский этнос). Исторически у абхазов складывалось отношение к земле как к "источнику жизни", земле предков, и к ней относятся как к предмету сакрального преклонения (цивилизационный элемент), тогда как для представителей других этнических групп, относительно недавно проживающих в Абхазии, и чья историческая память здесь не имеет столь глубоких корней, земля не является исключением как объект купли-продажи (формационный элемент).

Данная этнополитическая модель закреплялась политикой унификации, проводимой "центром" - Тбилиси, и результатом которой становится легитимация власти посредством силы. Для грузинского этноса, имеющего более выгодные стартовые условия в настоящем, приватизация была бы облегченным трансформированием с точки зрения перехода в класс предпринимателей - собственников, тогда как абхазский этнос остается лишенным возможности обновляться. Легитимация "центра" строится "на языке прав человека", что является средством обеспечения прав более широким категориям лиц, тем самым оправдывая национализм большинства.

На разных этапах своей эволюции и в разных структурных компонентах общества может преобладать формационный или цивилизационный тип динамики. В Грузии, как мы видим, наблюдается в этот период преобладание формационного типа динамики, а в Абхазии - цивилизационного. Стремление Грузии к "атрибутам западных политий", образу жизни наглядно показывают это (вот, скажем, несколько названий политических партий и общественных движений: "Хельсинкский союз", "Национально-демократическая партия Грузии", "Партия зеленых Грузии", блок "Круглый стол - Свободная Грузия" и т.д.). О преобладании цивилизационного типа динамики в Абхазии свидетельствует поиск этноцивилизационной идентичности, выразившийся в создании союзов с близкими по культуре народами Северного Кавказа и диаспорами из других стран мира (Конфедерация горских народов Кавказа, Абхазo-абазинская ассоциация, Международная Черкесская организация).

Таким образом, на разных уровнях сталкиваются цивилизационные и формационные элементы формирования легитимации власти. В одном случае легитимация власти означает доминирование "этногенного" субстрата, во втором - "социогенного". "Этногенный" субстрат - это то, что включает основные культурные - онтологические черты самобытности этноса, то, что характеризует его "особое чувство жизни и особый склад души"²⁴. Эти характерные черты определяют потенциал развития этносов, а также определяют сферу их политической деятельности, либо препятствуя, либо способствуя модернизации в зависимости от адаптационных возможностей. "Социогенный" субстрат - это то, что может быть охарактеризовано как

система ценностей универсального, рационального порядка: высокий уровень экономического благосостояния, индивидуализм, политические свободы, или то, что включает в себя понятие "экономического человека". "Социогенный" субстрат вырабатывает в этносе рациональные модели национального государственного устройства, способствует внедрению модернизации. Они в различной мере проявляются в личности и этнических общностях. "Этногенный" и "социогенный" субстраты формируют условия различного понимания легитимации власти в "центре" и на "периферии".

На различное формирование легитимации власти в системе многонационального государства влияют этнодифференцирующие черты, которые могут противостоять "центру", его стилю, поведению, образу жизни, включая период модернизации. "Центр" может идентифицироваться с разными стилями поведения и образа жизни, которые не всегда "понятны" "периферии". Так, резкое изменение внешнеполитических ориентации Грузии, подчеркнуто частая демонстрация межгосударственных встреч, переговоров с делегациями из стран Запада, легитимизирующих власть в "центре", была непонятна "периферии" ("чужая политика"). То же самое можно сказать о "периферии", если она берет на себя миссию привнесения в общественное этнонациональное сознание идентификационных ценностей, образующих внутрисубъективно признанные "смыслы", направленные на защиту самобытности и строительства легитимной национальной государственности. Это выразилось в выступлениях Южной Осетии и Абхазии за модернизацию политической системы национально-государственного устройства Грузинской ССР, тем самым внося требования реального плюрализма в политический режим.

В "60-е годы латиноамериканскими исследователями И.Уоллерстайном и М.Хечтером был сформулирован подход, исходящий из теоретических предпосылок экономического детерминизма, в котором акцент был смещен на выявление и анализ противоречий между доминирующим и более развитым ядром (центром) и отсталой (подчиненной центру) периферией²⁵. Более того, И.Уоллерстайн рассматривает эту модель ядра-периферии как универсальную и применяет ее в глобальных масштабах, противопоставляя развитые страны и развивающиеся (периферию), а также для анализе процессов, происходящих в отдельных странах, но с учетом их положения в системе международных экономических отношений. Соглашаясь с тем, что существуют экономические центры притяжения, осуществляемые через ценностные ориентации формационного порядка, нельзя не отметить относительность их универсального характера. Демонстрацией этому является диалектическое единство разновекторных ориентации этнонациональных общностей, решающих разные социокультурные задачи. Становление новой цивилизационной системы ценностных координат современности формирует дополнительный ресурс для взаимоотношения, самоотнесения центр-периферийных этносоциальных общностей. Данный уровень анализа идентичностей в современных условиях информационно-культурного и политического взаимодействия может интенсифицировать объективно протекающие в истории интеграционные и дезинтеграционные процессы, придать им концептуальную, культурологическую и политологическую направленность, а также стимулировать поиск их политико-практического оформления и конституирования.

Приведем две точки зрения на эту проблематику: "...Неоимперские формы экономической и политической организации региональных пространств, основанные на культурной и цивилизационной близости, являются важнейшим итогом мирового развития в XX веке и составляют основу для развития в XXI веке", - высказана В.И.Умовым²⁶. Противоположная точка зрения демонстрируется В.Л. Цымбурским на примерах: "Но как быть с региональным контекстом этих событий: с выступлением в начале 90-х гг. православных грузин против Москвы и гонениями на общины в Грузии, тяготевшие к России, а именно - на православных осетин, а также абхазов, среди

которых есть и православные, и исламисты, с блокировкой между режимом З.Гамсахурдиа и ингушами против осетин; с поддержкой, оказанной в Чечне Звиладу Гамсахурдиа, одновременно превозносившим Грузию как "Дом Божьей Матери" и развившим идею автохтонистского кавказского братства, без русских и ариев-осетин"²⁷. На наш взгляд, эти точки зрения характеризуют изменение этносоциальных процессов в современном мире. В период модернизации мы наблюдаем в структуре общественного сознания заметное усиление этнонациональной идентификации, отражающейся в различном понимании модели этнонациональной безопасности, этнического самоопределения, и выдвижения разных моделей построения государства. Многонациональное государство характеризуется дифференциацией социокультурной жизни по различным способам, уровням и участию в организации общественного бытия, а также интеграции этих вариантов в универсальные социокультурные системы - государства. Противоречивое их взаимодействие является причиной и одновременно механизмом формирования "конфликтного" и "консенсусного" потенциала в контактах между ними. "Консенсусный" потенциал реализуется в легитимации власти системы, которая призвана сконструировать и выразить универсальные для данных "обществ" символы и ценности.

В период модернизации актуализируются, обнажаются цивилизационные элементы, усиливается их влияние на формирование легитимации власти. Так, к примеру, восточные цивилизации, имманентно - по Тойнби - содержащие и порождающие императив централи деспотизма политической власти в интересах менее продвинутых цивилизационных элементов обществ, сталкиваются с европоцентризмом, с соответствующим императивом демократизма, конституционализма, индивидуализма и секуляризации"²⁸. "Исходя из специфической слитности, - пишет Г.Котанджян, - политической и религиозной сущности исламской ментальности и организации общественного бытия, а также секулярности политических систем в христианском мире, следует отметить приоритетность исследования роли религии в удовлетворении растущей потребности цивилизации в налаживании и использовании интеграционных механизмов"²⁹. Не исключая бесспорности этого положения, необходимо «казать, что она актуальна именно в период модернизации и может ограничиваться ее начальной стадией. Поиск идентичности, обусловленный решением проблемы "выживания культур", есть реакция на модернизацию, за которой следует решение проблем формационного порядка.

Интегризм на базе цивилизационных элементов (этнокультурные ценности) вступает в противоречие с формационным интегризмом на базе ценностей рационального порядка (экономические, геополитические "истины"). Так, наметившиеся интеграционные процессы с начала 1994 года народов РФ, а также импульсивные движения к укреплению связей между бывшими союзными республиками в рамках СНГ, легитимизируются все больше осознанием включенности в "единое экономическое и геополитическое пространство".

По мнению М.Фуко, невозможно исследовать явления, события без полного их "разворачивания" перед взором исследователя, "незавершенность" исследуемых процессов затрудняет их интерпретацию. Отсюда - полезность апелляции к историческим аналогиям.

При оттоманском господстве и в период, предшествовавший ему, Ближний Восток отличался относительно гармоничным существованием, политическим и социальным порядком, который можно охарактеризовать как традиционный. Его пронизывали две главные традиции - арабская и исламская. Этническая идентичность определялась тремя основными отличительными признаками: религией, языком, устанавливавшими этническую группу в узком смысле, и специфическим отношением к историческому времени, то есть временным фактором. Некоторые общины обладали всеми тремя признаками идентичности, например, общины арабских мусульман-

суннитов. Арабы-шииты в этом отношении были периферийными. Другие общины, например, арабы-христиане, обладали только двумя отличиями из трех, тогда как у православных греков, армян и евреев при разном языке и разной вере общим с остальными был только временной фактор. Турки явно представляли особый случай: они удерживали политическую власть, но обладали только двумя из трех отличительных признаков³⁰. При оттоманской системе эти общины сосуществовали в рамках двойного наследия Византии и ислама, институционализированного в форме системы "миллят", которая определила отношения между оттоманским государством и различными арабскими и неарабскими, мусульманскими и немусульманскими группами. Оттоманская система "миллят" была выражением долга охранять "людей Писания" (Библии), что по Корану предусматривало форму отдельного или отличительного статуса. Здесь выбор прилагательного зависит от интерпретации третьего признака - фактора времени, который был общим для всех трех религий Писания. Этот фактор обуславливал их видение мира и истории, а также структурировал их память. Он связывал в единый ряд вещи, которые были по сути, одинаковыми, даже если по внешним признакам они представлялись абсолютно разными или потенциально противоположными. Такое понимание времени не давало превратить историю в бесконечный причинно-следственный ряд или грубо оторвать прошлое от настоящего, историю от космологии. Напротив, оно давало возможность - путем совмещения универсально-космического и местного - каждой общине в оттоманской империи выражать себя по-своему с помощью признаков. Эту концепцию времени, которая не связывает события ни во временном, ни в причинно-следственном порядке, но соединяет их через религию с Божеством, можно определить как единовременность на всем протяжении времен. Эта единовременность постоянно наполнялась значением, которое таким путем переходило на человеческую судьбу и природу вещей. "Оттоманская гармония" заключалась главным образом в видении мира и истории, которое было общим для различных религиозных и языковых общин империи. Колониальное вторжение XIX века и первая мировая война положили конец этому порядку, когда западное мышление принесло с собой продукт собственной концептуальной революции - осознание "однородного времени", измерявшегося с помощью деятельности. Так, это ближневосточное сознание единовременности на всем протяжении времени - нелинейной, вневременной и всегда пророчески чреватое смещением причины и следствия - было замещено измеренным временем западного рассудка. Техническое и военное превосходство Европы было не столько орудием переворота в мышлении, нарушавшего устойчивость ближневосточного чувства идентичности, но и созданием нового источника легитимации власти в этом цивилизационном ареале. Образовавшийся кризис легитимности власти в центро-периферийной системе явился следствием ценностного конфликта между привычными символами власти и альтернативными системами ценностей, апеллировавшими к рациональному этносу.

Этот процесс резко активизировал конфликтный потенциал, поскольку уничтожался отличительный признак идентичности, источник легитимации системы, объединяющий ближневосточные общины, а также потому, что общины меньшинств - христиан, евреев и других, которые были связаны с оттоманской системой только одним или двумя общими признаками, чувствовали себя менее далекими от западного мышления, выступавшего в современном обличье, или более близкими к нему. Фактически западный образ мышления, воспринятый многими как вызов не только признакам, но самой сути идентичности, особенно теми, кто обладал всеми тремя вышеупомянутыми признаками идентичности, внес опасность в самое сердце арабомусульманской общности. Не случайно то, что именно арабы-христиане стали первыми инициаторами "нахда" и литературного ренессанса классического арабского языка. Попав первыми под воздействие западного образа мышления, они чувствовали себя

обязанными в целях сохранения своего будущего в регионе попытаться восполнить утрату онтологической солидарности с арабским мусульманским большинством, придав особое значение другому отличительному признаку - арабскому языку, которому кроме его важной роли для религии следовало отвести особую роль и в светских текстах: язык должен был поддерживать и продвигать новую идею. Этой новой идеей стала идея нации, которая, как они полагали, в свете того, что она сменила старинные, средневековые общины в Европе, вполне могла сыграть ту же роль на Ближнем Востоке и таким путем гарантировать их выживание как меньшинств, создав при этом из бывших "периферийных" образований новые "центры" - государства.

Последующее историческое развитие в этом регионе демонстрирует, что переживающие модернизацию общины выработали разные типы национализма, основанные на переплетении собственных цивилизационных элементов с привнесенными модернизацией элементами, при преимущественном преобладании первых или вторых. Данный процесс выявляет конвергентный, либо дивергентный потенциал различных "этногенных" субстратов в данном регионе, являющемся основой для формирования легитимации власти в полиэтничных национально-государственных образованиях.

В отличие от Египта, границы новых государств, созданных Францией и Великобританией, часто были произвольными, разделявшими определенные группы и общины между несколькими государствами, которые в любом случае были слишком большими. Это несоответствие политического пространства с "культурным капиталом" привело к отсутствию условий для формирования центральной легитимной власти. Поэтому процесс осознания групповой идентичности усилил межконфессиональное противостояние, возникли национальный арабо-еврейский конфликт в Палестине, доктринальное и этническое соперничество в Иране и Сирии, а также курдский вопрос. Повсюду под прикрытием ориентированной риторики, маскировавшей специфические интересы, этнические группы стремились подчинить себе государственный аппарат, который непременно должен стать эффективным инструментом власти. К тому же в соответствии с концепцией государства, принятой международной системой, государство обладало монополией на использование силы, а также внутренней и внешней легитимностью, что делало его сильным рычагом в конфликтах, которые были вызваны среди общин влиянием западного образа мышления и другими факторами. Эти же самые общины, которым была навязана современная система однородного времени, испытывали глубокую, часто невыраженную ностальгию по оттоманскому прошлому и жажду власти, освященную и усиленную "националитарной" идеологией, которая скрывала лежавшую в ее основе этноцивилизационную идентичность. Таким образом, формационные элементы (универсалии) с необходимостью выступали как "вызов" цивилизационным ("этногенным") элементам в легитимации политической власти у различных этнических групп.

После второй мировой войны страны Ближнего Востока смогли стать независимыми суверенными государствами. Этническое сознание было отодвинуто на задний план крупными проблемами, связанными с национализмом и такими его идеологическими вариациями, как насеризм, баасизм, панарабизм. Когда оно открыто выражалось в противостоянии созданному государству, его безжалостно подавляли, ссылаясь на государственные соображения. В этом случае в легитимации власти преобладают формационные ("социогенные") элементы.

Поражение арабов в 1967 году и последующие неудачи насеристского и баасистского национализма обнаружили бессодержательность "националитарных" и идеологических аргументов, что показало недостаточность обоснования легитимации модернизационными новшествами. Это привело к обострению социально-экономических проблем и жесткой концентрации государственного аппарата в руках одной из общин, как это случилось, например, в Сирии. Здесь обнаружилось сужение

сферы политических дебатов и деятельности, создание угрозы существованию этнических меньшинств. Чаще всего средства интеллектуального, религиозного и физического принуждения были единственной формой "современности", с которой население реально соприкоснулось (легитимация посредством силы)

Это демонстрирует столкновение двух типов легитимации, разделяющихся доминированием формационных или цивилизационных ценностных систем. Для одних, доминирующих, этносов универсальные ценности становятся средством легитимации своего доминирования. Другие же общины, являющиеся меньшинством, ставят проблему "локализаций" универсалий, т.е. необходимости "пропускания" через символическую структуру - цивилизационную систему ценностей, что должно обеспечить "выживание их культур".

Исходя из этого исторического анализа, для центрально-периферийной системы возможно выделение двух этнополитических моделей легитимации власти, "восточной" и "западной".

При "восточной" модели на этнонациональном и национально-государственном уровнях совершается жесткое политико-правовое выравнивание различий цивилизационных элементов, основной политической ценностью объявляется стабильность, базирующаяся на навязывании всему обществу этносоциальной однородности. Политико-религиозная ценностная ориентация реализуется в преобладании вертикальных центрально-периферийных отношений, тотальном огосударствлении общества. В "западной" модели секулярность церкви от политической власти в течение продолжительного времени предоставляет религии качественно другие условия в интегрирующей регуляции на базе многообразия общественного бытия. Формирующаяся в отделенных от христианства западных государствах приоритетность индивидуальности над всеобщинным коллективизмом накладывает отпечаток на всю систему межличностных отношений, этнокультурной и социокультурной динамики на всех цивилизационных уровнях. Расширение участия граждан в общественном управлении, сопровождающееся своеобразным изменением конфигурации политико-правовой и этносоциальной сферы, прокладывает западный путь интеграции на основе плюрализма. Профессионализация и сопровождающая этот процесс редукция сферы государственного регулирования эффективно сопровождается все большим ориентированием общества на гражданскую защиту либерально-демократических ценностей. Таким образом, в отличие от "восточных", преимущественно насильственных способов противодействия дифференцирующим тенденциям и достижениям национального консенсуса, западный цивилизационный ареал выработал систему демократической полиархии как результативный инструмент общественно-государственного обеспечения политической стабильности и воспроизводства целостности цивилизации средствами преимущественной саморегуляции общественного бытия. С точки зрения проблемы легитимации в современных многонациональных государствах можно говорить о преобладании провосточных или прозападных ценностных ориентации, влияющих на формирование моделей этнополитического развития.

На индивидуальном уровне выбор той или иной ориентации детерминирован потребностью в личностной самореализации. К примеру, сосредоточивание в руках восточного государства всей полноты социально-экономической и политической власти, при отсутствии способных хоть как-то противостоять ему общественных структур, лишало человека возможности выбора между конкурирующими социальными силами. Выбирать можно было лишь между правителями различных государств (отсюда и частые переезды средневековых мусульманских поэтов и ученых - аль-Мутанабби, Ибн Сина, Омар Хайяма в другие страны).

Если на Востоке человек находился в неизменном подчинении у государства, выступавшего по отношению к нему отчужденной, самодовлеющей силой, которой он

должен был служить, то на Западе уже со времен классической Греции появляется феномен свободного гражданина, являющегося экономически самостоятельным частным собственником и составляющего, совместно с себе подобными, гражданское общество.

Восточное государство (в лице персонифицирующего его деспота) воспринимается как носитель социально-политической и экономической власти одновременно. Поэтому оно - "царство" - и представляется средоточием всей полноты "власти земной": тотальной, всеильной и всеобъемлющей по отношению к человеку как самоутверждающемуся субъекту. Только государственная власть способна в принципе удовлетворить повышенные социально-престижные и материальные запросы человека, за что она, в свою очередь, требует мобилизации его творческих сил на службу собственным интересам.

"Восточная" модель общественного устройства исторически легитимизировалась нерасчлененным единством власти и фактической верховностью собственности. "Западная" же модель основана на вариативно неоднозначном, но все же достаточно устойчивом равновесии противоположных друг другу государственной власти и частной собственности. Наличие гарантированной бесчисленными формами социальных связей частной собственности обеспечивает экономическую (а значит, и, хотя бы потенциально, всякую иную) самостоятельность индивида.

Таким образом, различие статусов индивида на Востоке и на Западе определяло и принципиально разные возможности реализации сущностных сил конкретных индивидов. Бели на Западе человек мог стремиться к преобразованию общественной системы в соответствии со своими интересами и идеалами, то на Востоке он мог действовать лишь в рамках изначально заданных стереотипов социального поведения или просто отстраниться от общественной жизни. В отличие от этого на Западе самореализация человека в сфере внешнего бытия вовсе не обязательно предполагала унификацию и самоотчуждение во имя материального благополучия и продвижения по ступеням социальной иерархии. Дальнейшее исследование сходства и различия ценностных ориентации между двумя основными этнополитическими моделями, а также социокультурных и этнокультурных механизмов ее реализации может послужить выявлению и использованию возможностей для развертывания межцивилизационного контакта преимущественно в консенсусном направлении, а также созданием на этой базе в национально-государственных образованиях, разделенных этнически и конфессионально, легитимной власти.

По мнению автора, в качестве основных каналов формирования транснациональной (внеэтнической) легитимации власти в центрo-периферийной системе можно выделить два способа правления:

- правление через соучастие гражданского общества, высокая степень согласия участников относительно демократического регулирования и саморегулирования дифференцирующих факторов общества (территориальной и культурной автономии, в особенности вопросов о статусах различных языков и религий, контроль над системой просвещения, отправления культов, политические и социальные свободы) - составляет содержание ориентированности на ценности и систему демократического плюрализма;
- правление плюральным обществом через насильственное приглушение или торможение дифференцирующих факторов, ориентированность правления на политизацию всего социума, вплоть до его тотального огосударствления, деспотический контроль над цивилизационными ресурсами общества - в ряде случаев навязывание господствующей религиозной или светской идеологии - составляет содержание ориентации на ценности деспотического плюрализма.

Современная практика позволяет выделить два возможных способа наполнения объема легитимности власти, определяющие преимущественно демократический или деспотический тип легитимации в центрo-периферийной системе.

Демократический тип легитимации, базирующийся на "западной" системе ценностных ориентации, предрасположен к адаптации своих политико-правовых подсистем, в том числе и структуры, практически к любому типу массового этносоциального или национального движения, за исключением насильственных форм, разрушающих основы данной системы

Деспотическая легитимация, имеющая в своей основе "восточный" комплекс ценностных ориентации, характеризуется политико-правовыми установками на форсированное "строительство единой нации" путем "ускоренной" интеграции и ассимиляции этнических меньшинств. Режим, опирающийся на проведение политики в интересах доминирующего национального большинства, фактически стимулирует формирование насильственной легитимации власти

Практика переходного периода показала разновидности "сочетания" этих типов С Тамбия пишет, что " введение демократического правления или, скорее, переход к нему от предыдущей практики недемократических режимов породил острое межэтническое соперничество и конфликты. Как это произошло, например, в Югославии, Чехословакии, Румынии, Болгарии и Молдове, Грузии"³¹ Провозглашенная (по форме) демократия в Грузии (введение демократической избирательной системы, многопартийность, гражданские права и свободы) включала в себя стремление грузинского доминирующего этноса к "ускоренной" ассимиляции, изгнанию этнических меньшинств, что является характеристикой деспотического типа легитимации Проявления этого мы видим, в частности, и в выступлениях партийных лидеров, пришедших в политику на демократической волне "Зураб Жвания, спикер Партии зеленых, подписал Обращение Блока, в котором прозвучал неведомый ранее в экологии и политике термин "незаконное население Грузии" Незаконное - это некоренное, т. е. негрузинское население"³² И далее - об этом же в докладе Гвелесиани "Социальная и культурная политика Грузии", сделанного на съезде "зеленых" Грузии в декабре 1990 г. - "Прошлые 190 лет основательно подточили веками устоявшиеся национальные, социальные и культурные институты Социальное бесправие причинило невосполнимый вред демографическому положению наций В этнокультурную нишу, занимаемую грузинским народом, начал проникать чужой паразитирующий элемент, что вызвало заболевание части нации"³³.

Объем легитимности власти в центрo-периферийной системе определяется стабильностью и устойчивостью институтов многонационального государства. Объем легитимности есть величина, характеризующая степень вбирания консенсусных цивилизационных ресурсов этнонациональных общностей

Режимы "западного" полиархического типа не предполагают всеобщего государственного контроля за всеми сферами общественного бытия и сознания Политическая "партисипация" государственного управления и самоуправления гражданского общества является сущностной основой для регулирования латентных конфликтных ситуаций на "периферии" политической системы, ограничивая их разрешение в сфере локальных, а в конечном счете межличностных отношений между цветными органами гражданского самоуправления и участниками конкретных конфликтов.

Данная сущность выражается, во-первых, в установке на консенсусное решение на местах "большинства конфликтов", не имеющих прямого отношения к государственному управлению. Конфликты же, имеющие политический характер, во-вторых, обслуживаясь структурами полиархии, предрасположены скоротечно раскрыться из латентной в, укрытую общественно-контролируемую форму. Таким образом, речь идет о функциональной отрегулированности механизмов перемещения конфликтов в сферу "демократически организованной" политики.

При режимах же деспотического плюрализма практически любые проблемы, возникающие на "периферии" социокультурной жизни общества, сталкиваясь с

системой тотальной политической регламентации, приобретают политический характер и перемещаются на арену политического противостояния с государством. В этом заключается сущность конфликтной заряженности плюралистических деспотии.

Проблема цивилизационной идентификации в процессе межцивилизационных константов, сопровождающихся диффузным взаимопроникновением и внешнеполитическим, международно-правовым взаимодействием между представляющими цивилизации структурами, не может быть схематически однозначной. Политические режимы большинства незападных стран не могут быть безоговорочно отнесены ни к деспотическим, ни к демократическим моделям. Именно цивилизационное разнообразие центрo-периферийной политической системы, выражающейся в формировании легитимной власти, требует изучения и выявления консенсусных ресурсов взаимодействия, реализуемых через многообразие форм и уровней интеграции. К примеру, исламская модель социализма в период модернизации легитимизировала себя на консенсусной основе, сочетавшей коллективистские ориентации в групповой деятельности традиций исламского менталитета с индивидуалистской направленностью культурной традиции.

3. Типы национализма и легитимация власти

Среди российских исследователей этнополитических процессов, находящихся в поисках "рациональной" организации национально-государственного устройства, заметен подход, в котором доминируют юридический, экономический, социальный аспекты³⁴. Этот подход не может определить значимость феномена легитимации власти в полиэт-ничном государстве. Он либо снимает проблему легитимации, либо толкует ее как частный вопрос политической теории и практики. В частности, А.И.Миллер пишет: "... Говоря об "обществе", мы имеем в виду совокупность граждан определенного государства, источником политической легитимности в нашем мире считается общенациональное голосование, а главная всемирная организация называется Организацией Объединенных наций"³⁵. Между тем единственной гарантией стабильности государства является, в условиях модернизации общества, когда оправдание власти посредством апелляции к "новому" закону не стала еще традицией, надежная легитимность, имеющая консенсусный потенциал. Благодаря ей политическая система может преодолеть межэтнические и политические кризисы, а также отрицательные последствия собственного функционирования.

Национализм, националистические движения во многом описываются схематично. В качестве объектов исследования в целях выработки механизмов урегулирования межэтнических отношений центрo-периферийной системы многонационального государства, как правило, выдвигаются следующие: численность этноса, его удельный вес на территории, которую он считает "своей", ее геополитическое положение, наличие "живой традиции" национальной государственности, уровень мобилизации этноса националистической идеологией и др.

Нам же представляется, что в качестве первоочередного объекта исследования необходимо включить феномен образования легитимации власти в системе "центр-периферия", то есть как происходит образование и распределение моральных и политических ценностей и норм среди различных этнических групп. Это позволяет найти дополнительные ресурсы на согласие, выявление адаптационных возможностей этносов к социальным изменениям.

События последних лет показывают, что мы стали свидетелями и участниками процесса утверждения в обществе националистического дискурса. С этой точки зрения нация является "аспектом политического и символично-идеологического порядка, а также мира социальных взаимодействий и чувствования"³⁶. Иными словами, "нация" понимается Вердери как символ, пробуждающий целый спектр эмоций, сформированных за долгое время его употребления, и он неоднозначен, как и всякий

символ. За этим символом всегда стоит реальность, которую он творит. Границы использования этого символа определяются реальной действительностью, которая влияет на его формирование (для абхазов - борьба за право на самоопределение, для грузин - борьба за принцип территориальной целостности и единства нации). Власть, ставшая воплощением символа "нации", "собирает" вокруг себя общность, которая оправдывает ее. Таким образом, легитимность власти есть выражение воплощения данного символа.

В исследованиях по этнополитологии достаточно внимания уделено проблеме взаимоотношения этносов с государственными институтами власти как фактору национальной безопасности. С этих позиций Ротшильд определяет "политизированную этничность" как действующее лицо на политической арене, несущей угрозу существующим общественным институтам и государству в целом³⁷. П. Ван ден Берге считает главным в этнополитике взаимоотношения государства с этническими группами, находящимися в неравном положении:

"...Этническая политика является приложением власти, особенно государственной власти, к группам, определяемым и дифференцируемым этнически и антропологически"³⁸. Однако в исследованиях западных политологов слабо разработана проблема формирования легитимной власти в полиэтничном государстве, которая детерминирует политизацию этничности и, на наш взгляд, является основной проблемой этно-политологии. Легитимация или отсутствие ее в политэтнической среде, составляющей политическую систему, есть условие устойчивости национально-государственного образования. Если легитимация есть этический аспект власти, то ее формирование в полиэтничной среде зависит от систем этнонациональных ценностей.

Легитимность власти в системе "центр-периферия" формируется в специфических условиях огромного разнообразия интересов этнических, региональных, социокультурных, что создает трудности в становлении признаваемой большинством системы ценностей, следовательно, осуществлении властных функций посредством демократических методов и способов. В рамках нашего исследования представляется необходимым обращение к разработкам новых подходов в рассмотрении "этничности", сформировавшихся в ходе изучения поведения этнических групп в сходных с нашей современностью обстоятельствах - периода модернизации, становления новых национальных государств

Дж.М.Йингер, профессор социологии и антропологии, предложил следующее определение этнической группы: "1. Данную группу считают отличной от других по сочетанию следующих черт: язык, религия, раса, родина предков и культурное наследие, 2. члены также считают себя отличными от других и 3. они участвуют в общей деятельности на основе общего происхождения (реального или мистического) и общей культуры"³⁹.

А.Смит определяет этническую группу таким образом: "Этническая группа представляет собой объединение, которое заявляет об общем для всех ее членов происхождении и общей истории и которое, в силу этой традиции, имеет общие черты культуры и общую историю, а также характеризуется чувством солидарности между членами группы"⁴⁰.

Ч.Кейес, представляющий культурологический подход к определению этничности, считает, что именно анализ культурного наследия позволяет выявить ученым "изначальное качество" этничности, которое проявляется как потребность в постоянном наличии культурной специфики, признаваемой всеми членами общества. Для Кейеса "изначальное качество" этничности определяется "фактом рождения" в определенной системе и в наличии постоянных критериев культурной дифференциации⁴¹.

Междисциплинарные исследования А.Козна привели к определению этнической группы как "общности людей, разделяющих определенные нормы поведения и

составляющих часть более широкого социального целого"⁴². Этническая группа вступает во взаимодействие с другими общностями в рамках единой системы.

При всей бесспорности критериев определения этничности вышеназванными исследователями необходимо отметить, что в процессе политизации этничности мотивационным элементом в сознании этноса являются ценностные ориентации, мифы, символы, включающие представления о будущем устройстве своей судьбы. Следовательно, этносы различаются не только присутствием в ее символической структуре сознания ретроспективных элементов, но и перспективных, также влияющих на их политические ориентации.

На первом этапе суверенизации Грузии легитимационный ресурс формировался на основе историко-культурных ориентаций, переоценки событий прошлого. Одной из этих тенденций для лидеров стала акцентация на "мученичестве в годы репрессий", ассоциируемых с пребыванием в "советской империи". Символом освобождения становится "возвращение" диссидента З.Гамсахурдиа. В целях контроля и внимания над автономными образованиями использовались мифы о народах-"пришельцах", "двуаборигенности" Абхазии, реализуя тем самым конфликтный легитимационный ресурс полиэтничного общества. Символом же "мученичества" и угнетенности Абхазии стал исторический период пребывания в составе Грузинской ССР в качестве автономного образования. "С 30-х годов насильственная грузинизация Абхазии стала одной из основных функций Административной Системы..."⁴³. Отсюда формирование политических ориентаций. "В марте 1991 года на референдуме о будущем Союза Абхазия высказалась за общее экономическое, политическое и культурное пространство с Северным Кавказом и Россией, а Грузия проголосовала за распад..."⁴⁴.

Таким образом, этнос вступает во взаимодействие с другими этническими группами в рамках единой политической системы посредством принятия или непринятия политической системы, что детерминировано соотношением этнических ценностей ("периферии") с ценностями доминирующего этноса ("центра").

Посткоммунистический период коренных изменений продемонстрировал приоритетную роль этнического перед классовым. Этнические различия вытесняют классовые в связи с высокой степенью развития этнического сознания. "Сила этнического стереотипа поведения огромна потому, что члены этноса воспринимают его как единственно достойный, а все прочие - как "дикость"⁴⁵. Эти стереотипы поведения и есть ничто иное как "объективированные представления" о мире данного этноса. В этих условиях складывается разное понимание легитимности власти, определяя, по нашему мнению, разные типы национализмов.

В отечественной политико-публицистической литературе национализм определяется терминами "этнический эгоцентризм", "шовинизм", "этнический экстремизм", а в западной политологии национализм референтен "национально-освободительному движению" или "патриотизму". Однако и там, и здесь отсутствует определение национализма в соотношении с изменением источников легитимации власти.

Л.Снайдер рассматривает термин "национализм" в соотношении с такими понятиями, как "модернизация" и "мобилизация"⁴⁶, что дает основания предполагать изменение источников легитимации власти в многонациональных государствах.

Модернизация в наиболее общем плане есть этап, связывающий две стадии в развитии человечества - традиционную и современную. Концепция переходного периода в полиэтничном государстве определяется этими двумя тенденциями. Национализм есть часть модернизации, которая началась в Западной Европе, а затем распространилась на весь мир⁴⁷. Она, как особая форма мобилизации, сталкивается с разнообразием источников и типов легитимации в системе многонационального государства. Они создают основу для классификации феномена национализма.

В рассуждениях о разновидностях национализма Э.Геллнер пишет: "... существует

различие между унификаторским национализмом во имя высокой культуры, нуждающейся лишь в политической крыше, и классическим габсбургским (ориентированным на юг и восток) типом национализма"⁴⁸.

Пламенатц также выделяет два типа национализма: западный и восточный⁴⁹. "Западный тип" - тип "Рисорджименто или унификации" характерен для XIX столетия и тесно связан с либеральными идеями. Относительно мягкие западные национализмы действовали в интересах "высоких культур", нормативно цивилизованных и имевших в своем распоряжении легко распознаваемую народную основу. "Восточный" же тип национализма не действует во имя хорошо определившейся, систематизированной "высокой культуры", определившей свою собственную территорию, которая очерчена лингвистически с помощью литературной деятельности, продолжающейся с времен раннего Возрождения или Реформации. Такой национализм действовал во имя еще не окончательно сложившейся "высокой культуры" - культуры, зародившейся и находящейся в процессе формирования. "Унификаторский" тип национализма характерен в "индустриальный век", где благополучно выживают только "высокие культуры".

Описывая феномен национализма того периода, П.Бирнбаум приходит к выводу: "Он представлял собой движение, имевшее целью восстановить легитимность одной из форм коллективной идентичности, а именно: католицизма, выражавшего дух и плоть французского общества, которые, как считалось, были недостаточно представлены в позитивистском государстве"⁵⁰. Исследователь указывает на легитимность как на связующее звено между государством и обществом и на закономерность ее формирования в зависимости от наличного "культурного капитала", посредством которого и возможно придание "смыслов" этому "движению". Однако потребность в "форме коллективной культурной идентичности", оформившейся в национальные идеологии, была характерной не только для "высоких культур". Историческая практика свидетельствует о том, что ответом на индустриализацию во многих странах со стороны традиционных культур малых народов стал другой национализм, апеллирующий к защите собственной культуры.

В многонациональном государстве Грузии власть "центра" стремится легитимизировать себя за счет подчинения мощному культурному строительству в соответствии с "унификаторским" типом национализма. Это культурное строительство описано Геллнером на примере стран Восточной Европы XIX века. Оно "вынуждало к перемещению народов, их изгнанию, насильственной ассимиляции, а иногда и истреблению с целью достижения той тесной связи между государством и культурой, которая и составляет суть национализма"⁵¹. Данному типу национализма, по мнению автора, соответствует унификаторский тип легитимации. Его признаки - этократизм, склонность к унитаризму, монополизм в политике, культуре, идеологии. (Из выступления Э.А.Шеварднадзе на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН "Здесь (в Грузии - примеч. автора) крушение империи сопровождалось возникновением диктаторского режима".)

Для "периферии" в этот период возможно формирование легитимации посредством апелляции к этнонациональной традиции, ее защите, определенному консерватизму в модернизационных преобразованиях. В данном случае преобладают элементы охранительного легитимации. В этом контексте интерес представляют выделенные Л. Снайдером формы национализма: "угнетенный национализм" и "ирредентистский национализм" (народов, требующих освобождения от господства других народов); "предупреждающий национализм" (вызванный конкуренцией между современными национальными государствами, форма национализма, близкая к империализму); "престижный империализм" (подчеркивающий славное историческое прошлое и требующий соответствующего отношения)⁵². Данные типы национализма формируют собственное понимание легитимации власти, способствуя образованию

различных типов ее в рамках единой центрo-периферийной системы.

В Южной Осетии и Абхазии получил утверждение "угнетенный национализм", о чем свидетельствуют известное "Абхазское письмо" и "Обращение", подписанные 18 марта 1989 года участниками митинга. На этом митинге абхазы выступили против проводимой грузинским руководством в годы Советской власти политики насильственной ассимиляции и "демографического освоения" Абхазии, разбалансированности пропорций отраслей народного хозяйства (Совмин Абхазии планирует только 9% предприятий в республике), кадровой политики Тбилиси (ключевые посты принадлежат назначаемым из Тбилиси грузинам)⁵³.

В то время, как пришедшие к власти в посткоммунистической Грузии все "партии национального движения имели сходные программы-тезисы

- провозглашение приверженности хельсинкским, женеvским и другим соглашениям и правам человека (однако подразумевалось, что права нации выше прав человека);

- сохранение территориальной целостности независимой Грузии (отличались лишь нюансы: радикалы - большинство грузинских партий - выступали за упразднение автономий; умеренные, не пользующиеся особой популярностью, - за культурную автономию национальных меньшинств);

- вывод оккупационных войск и вступление Грузии в НАТО"⁵⁴.

Провозглашаемые в тот период на митингах лозунги "деарменизации", "деазербайджанизации" Грузии, упразднение автономий и появление в печати требования "государственного регулирования рождаемости негрузинского населения"⁵⁵, показывают наличие "предупреждающего национализма".

Несхожесть и даже противоположность этих типов национализмов находят соответствие в разнотипности легитимации политической власти. Если следовать классическим типологиям легитимации власти, то можно говорить о преобладании в "центре", применительно к Грузии, элементов "перспективно-революционного" в вопросах социально-экономических преобразований и "процедурного" типа в вопросах национально-государственного устройства. Это видно из наблюдений политолога О.Васильевой: "Другим важным шагом для стабилизации ситуации в Тбилиси и роста рейтинга Госсовета следует считать ввод войск в Абхазию в середине августа 1992 года. Характерно, что проведение операции под лозунгом борьбы с терроризмом и захватом заложников прошло не в Мeнгрелии, где и происходили подобные акции, а в Абхазии, только что предпринявшей ряд шагов для формирования федеративного устройства Грузии. Вторжение в Абхазию позволило не только решить проблему консолидации грузинской нации, но и поднятия рейтинга Госсовета"⁵⁶.

Разность ресурсов оправдания власти в аналогичной ситуации событий в Чечне демонстрируется в результатах социологических исследований: именно война в Чечне оказала решающее воздействие на динамику рейтинговых показателей. По данным фонда "Общественное мнение", к вводу войск в ЧР относится отрицательно 71% опрошенных россиян, а в декабре этот показатель был меньше - 63%. Более половины опрошенных осуждают действия российской армии в Чечне⁵⁷.

Опасения по этому поводу высказала член Госсовета Грузии Т Чхеидзе, отметившая наличие "феномена политического мессианизма" в массовом сознании грузин, воплотившегося в обозначенных формах национализма (Российское телевидение. Передача "Грузинский перевал", сентябрь, 1992 г.).

Тогда как на "перифериях" - в Абхазии и Южной Осетии, имеющих свои цивилизационные субстраты (адыгского и аланского) в культуре, преобладают элементы охранительного типа легитимации. "Угнетенный" национализм "периферии" состоит из отстаивания права на территорию, стремления к равенству с более "мощными" нациями и к атрибутике суверенного и независимого народа. Такой аспект идеологии политического поведения основан на принципах суверенитета и

необходимости защиты неотъемлемых прав и культурной самобытности, как правило, доминирует в определениях этнонационализма как национализма этнических групп в многонациональных государствах. Э.Шилз определяет этнонационализм как стремление этносов проживающих в одном государстве или разделенных политическими границами, к осуществлению самоуправления⁵⁸.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, по способу разрешения противоречий между разными типами национализма можно выделить две модели легитимации политической власти в центрo-периферийной системе: конвергентную и дивергентную.

Конвергентная модель характеризуется:

- идентификацией власти центра с качествами лидера в демократических преобразованиях социально-экономических сфер;
- поиском согласия в процессе принятия инноваций;
- прогрессирующей интеграцией, основанной на адаптационных возможностях цивилизационных ("этногенных") элементов этнических культур;
- динамизмом в преобразованиях федеративных структур

Дивергентная модель легитимации характеризуется:

- насильственным проведением модернизации;
- конфликтогенностью в отношениях между центром и периферией, а также межэтническими конфликтами;
- культурным гегемонизмом и унитаризмом;
- этнократизмом и этноцентризмом как принципами организации политической системы;
- ассимиляцией, изгнанием этнических меньшинств;

- жестким централизмом.
-

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ

1. Этнорегиональные особенности ценностных ориентации и легитимация политической власти

В период модернизации политические процессы подвержены влиянию как со стороны консерватизма, чреватого переходом в фундаментализм, так и со стороны либерализма, переходящего, в свою очередь, в радикальный реформизм. В этих процессах существенную роль играют этнорегиональные особенности ценностных ориентации

Ценностные ориентации различных общностей в многонациональном государстве обуславливаются этнорегиональными особенностями, влияющими на процесс принятия политических решений в центрo-периферийной системе, в основе которого лежит легитимация власти

К этнорегиональным особенностям, влияющим на формирование политических ценностных ориентации, автор относит следующие религия, "культурный ландшафт", этнодемография, притяжение мировых культурных центров.

Различное понимание легитимации власти в центрo-периферийной системе восходит к религиозному фактору на базе сходства и различия исламского и христианского ареалов на ценности, лежащих в основании признания равенства и защиты прав человека. Разнотипное формирование легитимации власти отражается в содержании совместного бытия, когда различные общины располагаются как однопорядковые в границах политической системы. В связи с государственной

политикой неприятия в бывшем СССР коранических норм можно говорить о вынужденном конспиративном редуцированном сопровождении политико-правовых процессов и актов шариатским регулированием. Наблюдалось вытеснение представителями различных этнокультур из официальной государственной политики этноконфессиональной специфики на "периферию", явившейся в постсоветский период важнейшим фактором социальной регуляции в создании дивергентной этнополитической модели. Данная модель - результат построения советской империи, легитимизировавшаяся посредством насилия. Легитимация власти в системе формировалась и воспроизводилась на основании своеобразной стерилизации или приглушении национальной специфики мусульманского и христианского контрагентов, то есть "монологично". Она основывалась на тоталитарном режиме, ставшем своеобразным "на вызов" формационных преобразований общества. Политика секуляризма обеспечивала центр-периферийную управляемость конфликтных процессов.

Легитимация власти посредством силы явилась механизмом разрешения противоречия между этнорегиональными особенностями и унифицирующей индустриализацией.

Исторически сложившаяся дистанцированность между христианским (каноническим) правом и светским правом обусловлена евангелическим догматом "Отдайте кесарю - кесарево". Каноническое право, являясь, скорее, узкоцерковной системой норм религиозной общины, не выходило на арену нормативного регулирования отношений католического костела с внешним цивилизационным миром. В христианском цивилизационном круге государственное право, в отличие от мусульманских стран, не составило часть самой религии. Таким образом, легитимационный ресурс соответствует этнополитическим моделям, присущим различным мировоззренческим и религиозным ареалам, а также особенностям исторического опыта становления отношений государства с церковью, религиозной и светской традициями.

Объяснение установления либеральных взаимоотношений в Европе гражданина с обществом и государством можно найти в сущности исторического конфликта наций-государств с Римской церковью со времен средневековой Реформации. В странах Востока неотъемлемой частью целостной религиозной системы являются мусульманское право и концепция государства как служителя ислама. Великая хартия Вольностей (1215 г.), Хартия Билля о правах (1689 г.), североамериканская Декларация независимости США (1778 г.), французская Декларация прав человека и гражданина (1789 г.) демонстрируют постепенное дистанцирование политико-правовых систем западного мира от церкви и эволюционное развитие принципов секуляризма⁵⁹.

Исследования образования межцивилизационной конвергентности - дивергентности христианских и мусульманских политических и правовых традиций выявляют сущность данной расходимости в понимании легитимности власти в центропериферийной системе. Она выражается в политико-правовом секуляризме или религиозно-политической и религиозно-правовой слитности.

По мнению автора, это положение служит критерием определения ориентированности различных этнополитических систем на цивилизационные ценности преимущественно "восточной" или "западной" этнополитической модели, образующей разные типы легитимации власти.

Легитимация власти в системе центр-периферия в современных условиях формируется под воздействием этнополитической сходимости - расходимости мусульманской и западной установок на защиту прав человека.

Дивергентные тенденции более характерны фундаментализму шиитских представлений о власти и праве. Он отстаивает и утверждает исключительный сакральный характер политико-правовой системы государства⁶⁰ В отличие от

суннитской теории государства - "халифата" шиитская концепция государства - "имамата" исходит из сосредоточения всех властных полномочий в руках непогрешимого имама, наделенного качествами полубожественного правителя. Религиозной элите отводится особая роль посредника между "уммой" и "скрытым имамом". Шиитский фундаментализм предполагает неукоснительное осуществление всех без исключения предписаний мусульманского права. Секуляризм западного права, западной теории и практики политики оценивается как проявление безбожия, отсюда западная в своем цивилизационном генезисе современная концепция защиты прав и свобод человека также оценивается как греховное покушение на чистоту ислама и богоявленных предписаний мусульманского права. Поэтому легитимация политической власти в мусульманском шиитском ареале предрасположена формироваться дивергентно по отношению к западным ценностям и нормам, что ведет к доминированию межцивилизационных конфликтных потенциалов над установками на согласие. Поддержанию дивергентных тенденций служит ориентация на обоснование превосходства "исламской формы правления" над всеми известными в политической практике формами государства.

Противоречия между секуляризмом Запада и фундаментализмом Востока, на наш взгляд, как основными полярными подходами к месту и роли религий в политико-правовой теории и практике мусульманских государств могут трансформироваться в многонациональном государстве (на региональном уровне) в конфликт между "провосточными" и "прозападными" ориентациями, влияющими на процесс формирования легитимации власти в центрo-периферийной системе.

Если легитимация политической власти в центрo-периферийной системе многонационального государства охватывает исламские и христианские культуры, то она зависима от глобальных межцивилизационных контактов христианского Запада и мусульманского Востока, денежными "осями" этого взаимодействия могут быть:

- взаимодействие между модернизированным Севером и модернизирующимся Югом;
- взаимодействие между ценностями западного демократического плюрализма и мусульманского деспотического плюрализма;
- взаимодействие между западным либеральным индивидуализмом и восточным коллективистским эгалитаризмом.

Рассмотрение межцивилизационных контактов позволяет выявить особенности формирования легитимации власти в центрo-периферийной системе, которая наиболее подвержена их влиянию в период модернизации. Так, разное восприятие прав человека внутри христианского и мусульманского ареалов является источником разного понимания легитимации власти. Манифестация центром приверженности западным стандартам защиты прав человека в системе вызывает в этномусульманских "перифериях" мотивацию легитимации обособления, обусловленную внутрисубъективно принятым "смыслом", придаваемым, этому действию. Это происходит в силу воздействия традиций, норм, предписанных Шариатом, который устанавливает неравенство полов. Неравенство также может касаться прав и свобод этноконфессиональных меньшинств. Правоверный мусульманин, являясь носителем исламского наследия, в своей психологии имплицитно содержит кораническую норму о месте "неверного" в исламском обществе, о норме предписанных взаимоотношений члена "уммы" с "человеком Писания".

Примером сказанному могут служить взаимоотношения России ("центра") с Чечней ("периферией"). Открытая апелляция чеченского руководства к мусульманской солидарности стала составной частью политики, направленной на прорыв дипломатической блокады, в которой оказалась Чечня из-за своей конфронтации с Россией. Эта политика велась как в региональном, так и в международном направлении. Оправдание власти в этот период в Чечне шло на религиозной основе, что

проявилось в защите и поддержке Дж.Дудаева его защитниками, которые видели в нем прежде всего Имама Чечни⁶¹.

Помимо религиозного фактора на формирование легитимации политической власти влияние оказывают географические и демографические особенности. Влияние этих факторов на политику раскрыто многими исследователями. Аристотель и Платон считали, что рост населения приводит к политическим волнениям. Многие авторы Возрождения объясняли бурные события своего времени ростом народонаселения (Ульрих фон Гуттен, Себастьян Франк). В XVIII веке идея о том, что деление народонаселения усугубляет политические конфликты, вдохновляла Мальтуса. М.Дюверже, в свою очередь, исследовал давление народонаселения на политическую власть уже в наше время⁶². Он писал о том, что неравномерное географическое распределение населения оказывает влияние на политические антагонизмы. Низкая плотность населения может затруднять экономическую жизнь и вызывать недовольство и конфликты. С другой стороны, конфликт усиливается в районах перенаселенных: в городах Западной Европы в XIX веке, а в малоразвитых странах - в настоящее время. А изучая Западную Францию, А.Зизфрид установил, что менее населенные районы более консервативны, в то время как густонаселенные более расположены к переменам. Явление объясняется изоляцией, приводящей к большому вниманию, которое обращают жители на свои внутренние отношения и традиции общества, тогда как в другом случае большее число контактов облегчает распространение идеи⁶³.

Состав населения по возрасту и полу имеет определенное значение в политических процессах, в том числе в легитимации политической власти. Так, обычно, пожилое население склонно к консервативным идеалам и сохранению существующего национально-государственного устройства, в то время как нация молодых склонна к инновациям, ей свойственна мобильность в ценностных переориентациях. В первом случае, как правило, доминируют консервативные настроения, во втором - реформистские.

При низкой плотности населения процессы модернизации проходят, медленно, что обуславливает невысокий жизненный уровень. Периферийные образования с низкой плотностью населения склонны к традиционалистским представлениям об экономических преобразованиях в системе, что создает собственное понимание местными элитами легитимации власти центра.

Климатическое разнообразие оказывает существенное воздействие на характер населяющих каждый регион народов и их взаимоотношения, поскольку природа влияет не только на труд и стереотипы мышления, не только на мораль, но и на каждый аспект человеческой жизни считал Карл Риттер⁶⁴. По мнению Чичерина, громадность территории России, ее малая заселенность, однообразие и простота занятий населения, постоянная угроза внешних нападений обусловили жизненную ребность в крепкой центральной власти⁶⁵. Вслед за Чичериным, С.М.Соловьев отметил географическую предопределенность зарождения русской государственности и наиболее интенсивного хозяйственного освоения земель в центре Среднерусской возвышенности. Историк показал, что возглавить объединение русских земель и создание крепкого централизованного государства суждено было Москве. Именно благодаря особенностям ее географии и природы. В природно-климатических условиях центрального пространства России Соловьев увидел и решающий фактор, повлиявший на характер деятельности и формы организации населения. Скупая на дары, природа этих мест приучила жителей к упорству и твердости, не обещая награды за вложенный труд⁶⁶. И.Солоневич, сопоставляя личные свободы в России и в Англии, США, прямо относит их за счет географического фактора. "Американская свобода, как и американское богатство, определяется американской географией. Наша свобода и наше богатство ограничены русской географией"⁶⁷. Русский народ, считает он, никогда не будет иметь такие свободы, как Англия и США, потому что безопасность последних

гарантирована океанами и проливами, а российская может быть гарантирована только воинской повинностью.

Ф.Ратцель в своей концепции геополитики приходит к выводу, что пространство - это не просто территория, занимаемая государством и являющаяся одним из атрибутов его силы. Пространство, по Ратцелю, есть политическая сила. Каждое государство и народ имеют свою "пространственную концепцию", то есть идею о возможных пределах своих владений. Упадок государства, считал он, есть результат слабеющей пространственной концепции и "слабеющего пространственного чувства".

"Пространственное чувство" стран и народов оформляется в систему международных отношений, которая, как и всякая система, стремится к состоянию равновесия. Упадок или, наоборот, превышение этого "чувства" может нарушить "мировой баланс сил", так как попытка превысить свои возможности задевает интересы других государств. К примеру, государство "А" обладает выгодным геополитическим положением, среднеразвитой экономикой, играет второстепенную роль в одном из региональных военно-политических союзов и не обладает значительным военным потенциалом, Вектор ее национальной безопасности был бы, скорее всего, направлен на использование преимуществ своего геополитического положения для компенсации слабых мест в экономической и военно-стратегической областях"⁶⁸. Этот геополитический сценарий был реализован, в частности, постсоветской Грузией.

Таким образом, пространственные, этнорегиональные особенности влияют на формирование ментальности по отношению к окружающему миру, построению собственной "пространственной концепции" этносов, наций, государств и своему видению собственной концепции безопасности. Она обычно основана на выборе приоритета между этническим коллективизмом и индивидуальными свободами, определяющими разное понимание легитимации власти.

Следующей этнорегиональной особенностью, влияющей на процесс формирования легитимации власти в центрo-периферийной системе многонационального государства, является притяжение иных культурных центров.

Общность происхождения, культурно-исторических традиций, религий стала серьезным фактором для этносов в период модернизации, поиска цивилизационных идентичностей в выборе "внешних центров влияния", Процессы экономических и социально-политических изменений во всем мире расшатывают традиционную ориентированность людей, что ведет к смене источника легитимации политической "Идентичность" на уровне цивилизации будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций"⁶⁹.

Однако, по мнению автора, наряду с обострением "цивилизационного чувства", вызывающего притяжение к мировому близкому по культуре центру, существует другая сила, - это сила притяжения к центру-лидеру, являющемуся образцом в достижении высокого уровня экономического благосостояния и политических свобод обусловлено "этногенными" элементами, второе "социогенными" К примеру, наличие притяжения этих сил и предопределило изменение динамики политических ориентации на Северном Кавказе. В конце 1991-го - первой половине 1992 года новым "центром влияния" для лидеров национальных горских движений стала Турция. Подобная тенденция сформировалась прежде всего под влиянием экономических (популяризация российскими mass media "турецкой модели" своеобразного "восточного" аналога лозунга о "светлом капиталистическом будущем"), исторических (активная роль Турции в регионе на протяжении столетий, многочисленная кавказская диаспора в Турции после русско-кавказской войны) и политических мифов национальных лидеров Северного Кавказа. Во второй половине 1992 года происходит дифференциация в выборе "внешних центров влияния"⁷⁰.

Диалектическое взаимодействие этих сил притяжения дает возможность

предположить то, что внутрицивилизационные противоречия становятся предшествующими межцивилизационным противостояниям, в силу чего последние могут быть менее вероятными. Поэтому человечество в состоянии избежать предполагаемого "столкновения цивилизаций".

Разрешение указанного противоречия ставит проблему легитимации власти в центрo-периферийной системе многонационального государства, стоящего перед проблемой нахождения путей к согласию.

Таким образом, противоречие между двумя тенденциями - тяготением к мировому близкому по культуре центру и к центру экономического благосостояния и политических свобод - становится источником развития новой цивилизации. С этой точки зрения, образование государств есть форма разрешения этого противоречия. "Политические образования - в частном случае государства - для устойчивости и развития нуждались не в единообразном, а разнообразном хозяйстве, где разные экономические провинции дополняли бы друг друга"⁷¹.

2. Модернизация как фактор усиления этнонациональной идентичности

Этнические общности, объединенные в центрo-периферийную систему и находящиеся на разных уровнях социокультурного развития, принадлежат разным цивилизациям и различаются степенью готовности к модернизации. В случае наличия у доминирующего "центрального" этноса установки на "безнациональное" представление о модернизации, основанное на идее равного, неуклонно прогрессирующего развития, прослеживается преобладание характеристик "процедурного" типа легитимации власти, неспособного в данном случае выступить как власть интегрирующая. При этом этнонациональная волна неизбежно ведет к легитимным национально-освободительным движениям. В ответ на такое образование национально-государственного устройства, то есть на легитимацию системы, национализм периферий, находящихся в неравном положении, формируют иные типы легитимации, обретающих форму протеста. "Периферия" рассматривает национальную независимость как надежную стратегию, способную решить проблему их "отставания" в развитии. В процессе дезинтеграции системы национализм выступает заменителем прежних общегосударственных ценностей, утративших свое значение в результате модернизации.

В концепции "внутреннего колониализма", автором которой является М. Гектер, тесно увязываются проблемы неравномерности социально-экономического развития с этническими различиями населения единого государства. Основное внимание исследователь уделяет политическому конфликту между центральным правительством и этническими перифериями в процессе модернизации.

Усиление различий в уровне социально-экономического развития этнонациональных групп М. Гектер объясняет неравномерностью темпов индустриализации многонационального государства или, иными словами, неравномерной модернизацией этнонациональных групп. Согласно модели "внутреннего колониализма" преобладающая группа стремится стабилизировать и монополизировать свои преимущества. "Включение периферии в общегосударственную систему вызывает не сближение контактирующих этносов, а, скорее, этносоциальную стратификацию, неравномерное положение между представителями ядра, занимающими верхние ярусы социально-классовой пирамиды (торговля, финансы, предпринимательство), и местным населением, составляющим основной источник рабочей силы"⁷². М. Гектер подчеркивает складывание системы культурного разделения труда - системы стратификации, в рамках которой объективные культурные различия совмещаются с классовыми. Следовательно, значительное экономическое неравенство

между представителями разных этнических групп, осознаваемое как коллективное угнетение, становится причиной формирования и проявления этнонациональной солидарности.

Таким образом, легитимация в системе "центр-периферия" не может не детерминироваться объективной обделенностью этнических "периферийных" групп многонационального государства в процессе его неравномерной модернизации, осознанием этой обделенности членами этнической группы как образа коллективных центр-периферийных взаимоотношений угнетения, формированием этнонационализма как реакции угнетаемого коллектива на "внутренний колониализм" центра. Легитимация власти в системе "центр-периферия" формируется под воздействием специфического соперничества за обладание представляющий для всех участвующих сторон дефицит ценностями. Неравномерная модернизация формирует разные типы национализма и разные типы легитимации власти. Это обуславливает изменение установленного баланса во взаимоотношениях властей "центра" и "периферии".

По мнению автора, ряд исследователей (М.Гектер, Т.Нэйрн и др.) детерминации этнополитического конфликта "ядра" и "периферии" в многоэтничном государстве с позиций "неравномерного развития" оставляют в стороне вопрос о разном понимании новых источников легитимации власти, как связующем звене между неравномерностью развития этносов и их взаимодействием. Позиции этих авторов не дают убедительных объяснений примерам появления этнонациональных конфликтов там, где нет выраженных различий в экономическом развитии между доминирующим центром и его окраинами, и отсутствуют там, где есть такие различия.

Более приближенной к исследованию данной проблемы в плане взаимодействия модернизационных и этнонациональных процессов является подход Э. Блэка, содержащийся в "распределении социальных ролей" в традиционных и модернизированных обществах. По Блэку, для традиционного общества характерна жесткая регламентированность социального статуса центральных и периферийных этнических, расовых и религиозных групп или их отдельных представителей в зависимости от "ранга" своего клана в общей иерархической структуре, семейно-брачного положения, пола, возраста и т.д. В модернизированном же обществе предполагается замена всей этой сложной системы на открытый соревновательный выбор в условиях равноправия всех перед единым законом⁷³. Это не может не вызвать плюрализма в понимании приоритетов между правами человека и правами общностей, создающих, в свою очередь, разное понимание легитимации власти.

Неравномерное протекание модернизации в этнонациональных ареалах может обусловить конфликты между притязаниями этнических групп и реальными возможностями государства гарантировать обеспечение прав своих граждан. Попытки государства противостоят требованиям входящих в его состав этнических групп приводят к взаимным претензиям и конфликтам. В процессе взаимодействия модернизирующихся этнических групп с политическими институтами многонационального государства происходит неравномерное формирование политического и правового сознания этнических групп. На определенном этапе в наиболее политизированных этнических группах возникает неудовлетворенность государственным центром как верховным гарантом правозащиты.

"Националистический ответ" на проблемы современности может быть двух противоположных типов: постмодернистский, принимающий ее, но с условием исправления "недостатков"; и антимодернистский, полностью отрицающий проект модернизации из-за ее "недостатков". Последний в системном аспекте стремится повернуть процесс модернизации к традиционным способам экономической и административной организации, а в аспекте социальной интеграции отказывается от идеала "эмансипированного индивида", подчеркивает традиционные ценности и коллективную идентичность, что формирует собственное понимание легитимности

власти.

Одной из причин универсализации и эскалации этнонациональных конфликтов, отражающей особенности модернизации полиэтничных государств, является интенсификация международно-коммуникационных процессов. Информационно-коммуникативный фактор приобретает важное значение в пропаганде защиты общечивилизационных или, как это принято в политической публицистике, общечеловеческих ценностей, систематизированных в международно-правовых нормах. Это способствует формированию "современной" легитимности, характерной для центра, опирающейся на такие международно принятые нормы, как территориальная целостность государственного образования, соблюдение стандартов по обеспечению прав национально-этнических меньшинств, соблюдение прав человека. Это – с одной стороны, а с другой - трансляция этнических ценностей через средства массовой информации способствует формированию этнонациональных движений. Источником легитимации власти становятся ценности, служащие возрождению этнической культуры, ее защите и формирующие идеологию национально-освободительного движения "периферий".

Возникающие при этом расхождения в понимании легитимации власти приводят к конфликту, дезинтеграционным процессам в многонациональных государствах.

Политическая власть не является чем-то посторонним по отношению к базовым ценностям, разделяемым подданными. Более того, она сама принимает меры к их распространению и внушению. Если верно, что легитимация заключена в восходящем полукруге, идущем от подданных к правителям, также верно и то, что существует нисходящий полукруг, который исходит от последних и обеспечивает социализацию ценностей. В качестве социализированных ценностей легитимизируются и структуры власти. Ч. Кейес замечает по этому поводу, что государство само способствует распространению определенных "мифов" о входящих в его состав этнических общностях с целью обоснования законности своей власти, создает условия, в которых этничность неизменно становится фактором структурирования определенных типов социальных отношений⁷⁴.

В современных государствах этничность проявляется не только в противостоянии государственным институтам, но и как сущностная характеристика самих институтов. Как показывает в своих исследованиях С.Энлоу, "этничность является политической не только в том смысле, что она служит основой для мобилизации группы для достижения ее политических целей, но также и потому, что она является определяющей установкой при создании наиболее важного политического аппарата - государства"⁷⁵. Автор приходит к выводу, что государственные элиты, в первую очередь высшие эшелоны власти, используют этнические деления в то же самое время, когда они "публично порицают их". При планировании государственной политики, и особенно обеспечении собственной безопасности, высшие представители политико-административных кругов мыслят "этнически".

Легитимационный ресурс власти, основанный на этнической идентификации, порождает в политической системе соперничество с господствующим общественным порядком. Происходит "политизация" этничности в борьбе за первенство власти. "Политизация этничности", ее солидаризация происходят вокруг реализации прав этнической периферии на самоопределение и отделение от центра.

Модернизация имеет важное значение для развития этнонациональных процессов, так как она коренным образом изменяет функционирование нации или этнической группы. Модернизация неизбежно активизирует этническое сознание, способствует формированию политических устремлений к национальным автономиям. В результате межнациональные конфликты возникают все чаще, охватывая в первую очередь многонациональные государства, следствием чего может стать их распад на отдельные регионы.

По мнению автора, неравенство между этническими группами, обусловленное неравномерностью модернизационных процессов, создает условия для образования новых политических ценностных ориентаций формирования собственного понимания легитимации власти, создания новых центров в прежней центрo-периферийной системе. Модернизация "достраивает" цивилизационные процессы, дает индивиду целостное видение общества, выдвигая собственное понимание истории. В связи с этим сталкиваются разновекторные ориентации: первая, идущая от восприятия "смысла" социальных связей вне специфических цивилизационных ценностных систем, выражающаяся в доктрине права человека вообще; вторая, исходящая из конкретного индивидуума, включенного в многомерное и групповое многообразие. От того, в какой мере индивиду удастся проявить свою многомерность, в каких рамках очерчено его жизненное пространство, обеспечивается развитие его как суверенной личности, зависит то, с какой исторической парадигмой он может быть соотнесен.

"Этногенный" и "социогенный" субстраты в различной мере проявляют в личности и общностях элементы, восходящие к этносу и характеризующие его индивидуальность, а также элементы, обусловленные политэкономической спецификой общества и государства. В период модернизации усиление этнической идентификации субъектов политического процесса показывает преобладание цивилизационных ("этногенных") элементов в общественных преобразованиях.

Таким образом, ценности цивилизационного характера выстраивают пирамиду политических ценностных ориентаций, которые формируют разные типы легитимации политической власти в многонациональном государстве (это проявилось в "параде суверенитетов" в постсоветском пространстве, в трудностях, которые сопровождали процесс подписания федеративного договора в РФ, а также в длинном списке межэтнических войн и конфликтов).

Ценности неклассового происхождения определяют круг идентификационных интересов индивида. Этнонациональные ценности, а также более широкие этноинтегративные ценностные ориентации развиваются в разной степени, влияя на общественно-политические установки. Они формируются под воздействием своей культурно-исторической среды. Эти ценности детерминируют понимание защиты прав человека и международно принятых стандартов соблюдения прав меньшинств. Следовательно, они не могут не влиять на процесс легитимации власти, создавая многообразие их типов в центрo-периферийной системе.

Увеличение конфликтного потенциала в связи с процессом ускоренной модернизации советского многонационального государства во многом объясняется тем, что оно включало в себя разноцивилизационные ареалы. Основой конфликтов явилось изменение источников легитимации власти, апеллирующей к разным системам ценностей. В этих условиях декларативное придание власти либерального, "вестернизированного" характера в политической системе в процессе перестройки лишило эффективного средства влияния центра на этнонациональные регионы, создав предпосылки для трансформации латентного конфликтного потенциала в открытые межэтнические вооруженные столкновения.

В первой четверти нынешнего века В Зомбарт обратил внимание на явную предрасположенность отдельных народов к занятиям предпринимательством. Он подразделил народы на "героев" и "торговцев" "Героев" он, в частности, увидел в римлянах, саксах, а "торговцев" - в этрусках, греках, флорентийцах и евреях. Зомбарт отметил, что если шотландцы обнаруживали несомненные способности к торговле, то кельты, ирландцы или горцы в той же самой Шотландии таковых не проявляли. Голландцы и швейцарцы явно отличались своей торговой активностью по сравнению с французами, а евреи здесь превосходили все прочие народы, и вообще, по его мнению, сыграли особую роль в становлении капитализма на Западе⁷⁶.

Подмеченные Зомбартом особенные наклонности этнических групп к

предпринимательской деятельности, то есть к инновации, наблюдаются в модернизирующихся обществах постсоветского пространства⁷⁷. Так, экономические программы и проекты моделей перехода к рынку по-разному воспринимались в регионах Российской Федерации. Во многом объяснение этому явлению с коррекцией слова "страны" на "народы бывшего СССР" мы находим у В.А.Красильщикова и его соавторов, выделяющих "органичные" и "неорганичные" типы модернизации. "Органичная модернизация - момент собственного развития страны, которая изначально обладала внутренними импульсами и способностью к саморазвитию... Неорганическая модернизация - это ответ на внешний вызов со стороны другой, более развитой и динамичной, страны или даже целей цивилизации, способ "догоняющего развития", усилие, порой отчаянное, предпринимаемое страной, чтобы преодолеть свою историческую отсталость и избежать иностранной зависимости, а то и вовсе национальной катастрофы"⁷⁸.

Если модернизация связана с возрождением⁷⁹, то она с необходимостью предполагает выбор приоритетов в развитии, исходящих, во-первых, из установок этнических общностей либо на "усвоение чужого опыта", либо на обращение к собственному прошлому опыту, во-вторых, на синтез социокультурных особенностей с "технократическим космополитизмом". Этот выбор определяет "органичность" или "неорганичность" модернизации, определяющий, соответственно, формирование различных типов легитимации политической власти "Неорганичная" модернизация требует авторитарного режима - "традиционного", "харизматического", "перспективно-революционного" типов легитимации власти. "Органическая" модернизация предполагает либерально-демократический режим, формируя "легальный" и "процедурный" типы легитимации.

Таким образом, одним из источников формирования различных типов легитимации в системе "центр-периферия" является модернизация, которую испытывают современные (модернизированные) и переходные (модернизирующиеся) общества. Модернизация поддерживает и усиливает неравенство между этническими группами в силу неравномерности экономического развития регионов и адаптационных возможностей этносов к инновациям. Одновременно модернизация опровергает какие-либо обоснования неизбежности неравенства. Она вырабатывает универсальные принципы равенства и законности на основе современного понимания демократии. Данное противоречие - предпосылка различного понимания легитимности власти, идентифицируемой с модернизацией (центр), и власти, подвергающейся модернизации (периферия). В этнической группе, осваивающей универсальные культуры и технологии, происходит своего рода всплеск интереса к собственной этноспецифической уникальной культуре. Это затрудняет легитимацию системы многонационального государства в плане формирования принимаемого всеми типа легитимации власти.

3. Легитимация власти в системе "центр-периферия" и насилие

Многонациональное государство - это равновесие сил, непрерывно сходящихся и расходящихся. Это соперничающие этнические группы, которые, пересекаясь, позволяют свободно проявляться и противостоять различным политическим интересам. Совместное существование этнических групп в этом государстве - продукт усилия всех сторон на достижение межнационального согласия. Многонациональное государство можно понимать как схему сотрудничества, в которой действуют группы, каждая из которых имеет свой комплекс расходящихся, если не прямо конфликтующих целей, желаний, интересов.

Легитимность власти "центра" многонационального государства как консолидирующего "ядра" не строится на почве отношений силы (конфликтный

ресурс), основанных на подавлении, угнетении и обмане. В таком случае легитимность политической власти превращается в националистическую демагогию и имеет постоянную потребность в консолидирующем "образе врага", что обрекает ее на кратковременность. Данная власть нуждается в публичной церемониальной поддержке "толпы", внушающей страх всем подчиненным, сужая радиус ее легитимации в системе, приводящей к делегитимации. Страх становится больше средством "легитимации власти", чем отличительной чертой данного режима. При этом важны не столько этико-политические принципы, сколько их последствия, образующие слитность власти и толпы. Гегемонистский националистический принцип, одерживая победу в центре, исключает консенсусную легитимацию в центрально-периферийной системе, следствием чего становится обречение многонационального государства на конфликты.

Фундаментальной предпосылкой легитимации власти в многонациональном государстве является не максимальная апелляция к трансполитическим ценностям, выражающимся в приоритетности общечеловеческих ценностей. Сила легитимности власти центра выражается в поддержании баланса интересов в системе многонационального государства и ценностей, разделяемых в периферийных подсистемах.

В период модернизации в силу доминирования цивилизационных основ легитимации власти применение принудительных мер делает власть нелегитимной, юридическое устройство теряет свою способность применять санкции. Ибо граждане многонационального государства пренебрегают большинством его норм. Власть не может держаться на основе насилия, поскольку сама сила недостаточно сильна, чтобы противостоять соперникам. В этом случае обязательность юридического порядка зависит не от его способности насаждать себя силой, а от его способности быть воспринятым теми, к кому он адресован как совокупность норм, подлежащих добровольному исполнению. Такое добровольное подчинение существует лишь там, где существует широкое согласие относительно способов и условий отправления власти. Это согласие превращает власть в полномочную, а принуждение - в легитимное применение силы.

Насилие, согласно Парсонсу, возникает из состояния морального разложения общества, ослабления интегрирующих общественную систему ценностей.⁸⁰ Другой причиной насилия может являться утрата режимом, его политическими институтами легитимности в глазах широких слоев. Упадок политического доверия вызывает дефляцию власти - сопротивление людей требованиям правительства заставляет власти обеспечить выполнение своих требований через все возрастающее применение принуждающей силы.

В определенной мере идеи Парсонса могут быть использованы при объяснении насильственных действий властей и сил порядка против той части общества в этнонациональных регионах, которая восприняла новые ценности национализма и республиканского суверенитета. Центральные политические институты оказались неспособными быстро и эффективно адаптироваться к новым политическим ценностям, получившим распространение в ходе социальных и политических изменений в республиках. Это постепенно подрывало их легитимность как представителей интересов всех народов страны Советов. Попытки применения насилия по отношению к перифериям увеличили дефляцию центральной власти, что привело к снижению легитимности и банкротству центральных структур власти.

Современные социологические и политологические концепции позволяют объяснить причины адаптации власти, основанной на "признании" насилия - легитимации насилия. В.Ньюман внес в структуралистскую концепцию межгруппового конфликта формулу: чем большие размеры приобретает в обществе неравенство в получаемом вознаграждении, социальной стратификации и статусе, тем с большей

интенсивностью и с большей вероятностью происходят межгрупповые конфликты⁸¹.

Данная концепция получила подтверждение в исследованиях полиэтничного общества в модернизационный период на примерах постсоветского пространства⁸².

Спиллерман выделил следующие основные факторы, способствующие нарастанию насильственных межэтнических конфликтов: слабая степень социальной интеграции и отчуждение от политической системы, неравенство социальных групп по доступу к политической власти⁸³.

Предпосылкой востребования конфликтного легитимационного ресурса власти в центрo-периферийной системе - делегитимации - является состояние фрустрации-агрессии, в которой могут оказаться этносы в определенных условиях. В этом ключе многие исследователи акцентируют внимание на социально-психологических механизмах

Логической предпосылкой такого подхода является представление о разделяемых общностью людей чувствах и психологических состоящих коллективного недовольства, гнева, возмущения как о причине агрессивного поведения этнических групп, включенных в периферийную систему.

Результатом этого может явиться получение властями санкции силы в решении проблем, возникающих между этнонациональными группами, следовательно, открытие военных действий может стать легитимизирующим средством власти. Так, к примеру, разворачивались события в Грузии: "...Напряженность в Абхазии, искусно подогреваемая официальным Тбилиси, и война в Абхазии и Южной Осетии стали необходимым элементом политики Шеварднадзе, поскольку позволили консолидировать грузинскую нацию"⁸⁴ Это подтверждается результатами социологических опросов: "Согласно августовскому опросу Института социологии и демографии, 65% тбилисцев выразили доверие Госсовету, а 75% связывают надежды на выход республики из кризиса с именем Шеварднадзе"⁸⁵.

Для объяснения насильственных действий Доллардом была сформулирована социально-психологическая гипотеза фрустрации-агрессии⁸⁶. Под фрустрацией в ней понимается состояние индивида, внешним препятствием и его стремлением достичь значимой цели, реализовать ту или иную потребность. Под агрессией – поведение индивида, нацеленное на подчинение или принуждение другого человека, вещи, процесса. Фрустрация является необходимым и достаточным агрессии: агрессия всегда вызывается фрустрацией, а фрустрация всегда ведет к агрессии. Согласно концепции Долларда, возведение в образ врага "коммунистических этносов", препятствующих становлению "независимости Грузии", лидерами националистических движений направило агрессивный импульс против "непосредственного источника фрустрации". Это образовало одновременно на "периферии" Страх "наказания", что не могло не вызвать легитимацию насилия - как в "центре", так и на "периферии".

С точки зрения исследуемой проблематики представляют интерес концепция "относительной депривации"⁸⁷ (лишения), базирующейся на идее групповых сравнений и оценок Согласно ей, недовольство и проистекающий вследствие него протест, в том числе и насильственный, может возникнуть не только как результат объективно ухудшающихся условий жизни в абсолютных параметрах, а как результат неудовлетворяющего группу сопоставления своих материальных условий, статуса, политических прав и свобод с условиями статуса, политическими правами, в которых нуждается данная группа или которыми пользуется другая группа Она возникает из коллективных оценок положения и статуса группы и ее членов Группа оценивает свое положение через его соотнесение с определенным образом - другой группы, положением и статусом собственной группы в прошлом, каким-либо идеальным положением и статусом, который мыслится достижимым В результате такого сравнения группа приходит к выводу, что ее положение и статус не столько хороши и высоки, какими, по представлению группы, им надлежит быть Такой вывод становится

групповым убеждением, но так как он резко расходится с реальностью, то порождает коллективные фрустрации членов группы

Т Гурр определил "относительную депривацию" как восприятие субъектом разрыва между своими ценностями-ожиданиями и своими ценностями-возможностями⁸⁸. Он пришел к выводу, что по мере того, как все большее число людей в какой-либо социальной группе или обществе ощущают "относительную депривацию", нарастает потенциал политического насилия

В сфере межнациональных отношений рост восприятия "относительной депривации" сопровождается ростом негативных установок и враждебности по отношению к контактирующим группам (особенно к группам этнического меньшинства и группам, повышающим свой статус или стремящимся не допустить его изменения)

Имеющиеся и закрепляющиеся властью представления о лишениях, соотносимые "центром" - Тбилиси с "образцами" высокоразвитых западных государств, преимущественно унитарных, "периферией" - Сухумом с аналогичным положением субъектов Российской Федерации, достигших определенной демократизации федеративных отношений, что показывает наличие у контактирующих сторон "относительной депривации". Это создало условия для легитимизации насилия.

Согласно идее Д. Дэвиса, социальные группы испытывают чрезвычайно высокие и интенсивные фрустрации в условиях, когда после периода существенного улучшения социальных и экономических условий жизни и растущих в связи с этим ожиданий, группа внезапно сталкивается с кризисом, вызывающим обратные процессы и резкое снижение уровня жизни⁸⁹. В этот период разрыв между субъективными и объективным их удовлетворением быстро увеличивается, в результате чего у группы возникает психологическое состояние, при котором люди оценивают условия жизни как невыносимые и готовы на любые, крайние меры. Такая ситуация делает возможным возникновение коллективного насилия, а взрыв политического насилия принимает форму революций.

Следовательно, не сами по себе лишения, а крутой разрыв между сложившимися ожиданиями и ориентирами, с одной стороны, и негативным сдвигом в реальном положении на фоне "относительной депривации" с другой стороны, - основной мотив в росте агрессивных устремлений в полиэтничных государствах. Резкое и всестороннее ухудшение реального положения этносов в обстановке тотального экономического и политического кризиса делает этот мотив общим конфликтогенным фактором. Это способствует формированию легитимации власти, апеллирующей к радикальному насильственному разрешению проблемы.

Модифицированную концепцию фрустрации-агрессии предложил в своих работах Г. Ленски⁹⁰. По мнению исследователя, социальные группы, члены которых обладают значительными ресурсами и богатством, но находятся на низком уровне статусной иерархии, испытывают недовольство и убеждены в том, что группа заслуживает более высокого социального признания также и в области престижа (статуса). Неудовлетворенность от несоответствия между ожиданиями и фактически присущим группе статусом создает условия, которые могут сильно фрустрировать большинство этнической группы и, таким образом, стимулировать возникновение конфликта в центрo-периферийной системе многонационального государства. Так, высокий потенциал экономического развития, связанный с геоклиматическими условиями Абхазии, не мог не вызвать несогласия с наличествующим, а также имеющим тенденцию к понижению, статусом автономной республики⁹¹.

В работах Д. Гешвендера получила развитие концепция, по которой опыт и окружающая действительность формируют среди членов социальной общности определенные знания: идеи, ожидания, восприятия, представления о себе, о своих правах и т.д.⁹². Тем не менее реальный опыт группы на определенном этапе может

вызвать в восприятии ее членов изменения всей картины мира. Особое значение, по мнению автора, может иметь новое знание о самой группе (например, новые трактовки исторического прошлого). Напряжение и стресс, вызванные новым знанием, резко противоречащим предыдущим представлениям и знаниям, могут оказать на членов общности сильное фрустрирующее воздействие, которое в случае неразрешения через социально приемлемые и достижимые пути, продолжает углубляться, и возрастает вероятность конфликта. Это наблюдалось в период объявления гласности по всей территории СССР. Появление в средствах массовой информации сообщений о нарушениях прав человека, прав целых народов, геноциде, депортациях и т.д. вызвало осознание себя жертвами тоталитарной системы почти у всех народов бывшего Союза, и особенно у народов, оказавшихся в так называемом "меньшинстве" на своей исторической Родине. Осознание себя жертвой ведет к легитимации власти, провозглашающей справедливыми требования данной группы компенсировать ощущение жертвенности.

В одном из направлений психологии - "транзакционном анализе" - определяются три роли индивида, которые сложились в процессе взаимодействия: "тиран", "спаситель" и "жертва"⁹³. Соотнесение себя с определенной "ролью" детерминирует поведение в системе "треугольника власти". Использование "треугольника" в сфере межэтнических отношений во многом объясняет поведенческие мотивы этнических групп. Субъективные "смыслы", определяемые "ролью", сложившейся в ходе исторического развития, дают направление "действиям" этнической группы. Осознание себя жертвой ведет к естественному стремлению к выходу из этой "роли", что является предпосылкой легитимности насилия. Не случайно, что "антикоммунистическая", трактуемая как "антиимпериалистическая", идеология обеспечила легитимность власти бывшего диссидента З. Гамсахурдия⁹⁴, а также последующее его сползание к крайнему "национальному радикализму", сделавшему незаметным переход из "роли жертвы" в "роль тирана". Абхазия, входящая в состав Грузии, осознающая себя в "роли жертвы", создавала легитимную идеологию национально-освободительного движения⁹⁵. НР и гипотеза "фрустрации-агрессии", переформулированная как "гипотетический закон коллективного конфликта", уменьшение взаимодействия групп в имеющих для них значимость отношениях взаимозависимости является основным фактором, мотивирующим их конфликт как коллективных субъектов⁹⁶. Вильямс выделил основные этапы уменьшения межгруппового взаимодействия, которые приводят к применению насилия. Исходным является взаимодействие в рамках и пределах общей культуры между двумя неравномерными и различными коллективными субъектами, в котором реализуется значимая для обоих субъектов отношение взаимозависимости. Если в дальнейшем происходит четкое и длительное уменьшение взаимодействия (например, изоляция одной из контактирующих групп), и неравенства между группами сохраняются, то результатом будут:

- рост культурных различий между коллективными субъектами;
- уменьшение эмпатии между ними;
- рост противостояния и конфликтности в вопросах осуществления функций власти и управления, а также распределение ограниченных ресурсов.

Возникающий отсюда спор за власть и ресурсы неизбежно приводит к конфликту, как правило, обретающего насильственные формы. Показательны в этом смысле события лета 1989 года, развернувшиеся в столице Абхазии, связанные с разделением Абхазского государственного университета по национальному признаку (спор за ограниченный ресурс), и "санкционировавшие" изоляцию двух этнических общин: абхазской и грузинской. Это "упростило" переход к вооруженному противостоянию в августе 1992 года.

Автор следующей концепции С. Хантингтон считает, что процессы социальных изменений вызывают коллективное насилие в тех случаях, когда сопровождаются

высоким уровнем "системной фрустрации", которая определяется специфическими характеристиками процессов социальных изменений⁹⁷ Хантингтон выдвинул предположение о том, что причиной насилия и нестабильности является разрыв между развитием жизнеспособных политических институтов и процессами социальных и экономических изменений. Основываясь на трехступенчатой парадигме типов обществ (традиционные, переходные или модернизирующиеся, современные), автор утверждает, что для обществ переходного типа социального устройства в наибольшей степени вероятно возникновение политического насилия, а поэтому для них характерны различные формы революционного брожения, военных переворотов, вооруженных восстаний, партизанской войны и политического терроризма. Основной дестабилизирующей причиной такого развития событий переходных обществ является не столько неупорядоченное экономическое развитие, сколько политическая мобилизация и резкое увеличение доли населения, вовлекаемого в активное участие в политической жизни. Рост урбанизации, грамотности, образования, влияния средств массовой информации создают у человека, выходящего из традиционного общества, представления о новых способах удовлетворения потребностей и одновременно порождают новые устремления и потребности. Однако реальные социально-экономические возможности в обществах переходного типа растут значительно медленнее, чем устремления. В результате складывается разрыв, отставание между устремлениями и ожиданиями их удовлетворения. Этот разрыв порождает социальные фрустрации и неудовлетворенность, которые, в свою очередь, ведут к росту предъявляемых правительству требований и стимулируют увеличение политической мобилизации и активности населения, стремящегося обеспечить выполнение этих требований. Отсутствие адекватных ситуаций политических институтов затрудняет, а часто делает вовсе невозможным выражение этих требований через допускаемые законом и социально приемлемые каналы, а также эффективное их удовлетворение в рамках существующей политической системы. Отсюда - резкое возрастание степени участия населения в политической жизни, что ведет к росту политической нестабильности и коллективному насилию.

Концепция Хантингтона подтверждает один из факторов проявления насилия в межэтнических отношениях, суть которых заключается в том, что модернизирующаяся этническая общность в поисках источников указанного разрыва между устремлениями и ожиданиями их удовлетворения приходит зачастую к созданию "образа врага" в лице иных этнических общностей как "виновников" этого разрыва.

Политическая власть - не столько "концентрированное и организованное насилие", сколько она держится на силе, но на силе "адектизированной" (прилагательной). Государство держит монополию на легитимную силу, а не на силу как таковую. Поскольку легитимность является плодом верований и мнений, из этого следует, что именно они делают возможным применение силы. Другими словами, применение силы становится возможным благодаря уверенности в ее легитимности.

Насилие в качестве одного из средств легитимации власти в условиях полиэтнической структуры общества можно охарактеризовать как власть, неспособную стать властью интегрирующей и препятствующей адаптации политической системы к модернизационным изменениям.

Заключение

В условиях демократизации общества различные группы, в том числе этнические, могут беспрепятственно конституироваться в качестве субъектов политического действия, выражать и отстаивать свои интересы через партии, общественные и национальные движения, которые являются легитимными и органическими компонентами политической системы. Иными словами, демократия санкционирует и, в принципе, стимулирует политическую мобилизацию на почве этнической

солидарности, приводит к проявлениям насилия. Это создает проблему легитимности власти в центрo-периферийной системе, сопряженной с реформированием национально-государственных образований на основе согласия.

В период модернизации общества возрастает влияние цивилизационных элементов на легитимацию власти, носителями которых в данном случае являются этнические общности, поэтому легитимная власть формируется как результат социокультурных особенностей. Отсюда - проблема различного понимания легитимности власти "центра" национальными, этническими, "периферийными" политическими подсистемами. В практической плоскости это связано с устойчивостью политической системы многонационального государства.

Политическая власть в многонациональном государстве не может быть легитимной, не исходя из реальных процессов в жизни конкретных этносов, их сознания, ценностных ориентации, психологии, а также из адаптационных возможностей этносов к модернизационным изменениям.

Соотнесение типов легитимации (М.Вебера, Ю.Хабермаса) с типами национализма дало возможность выявить две модели легитимации политической власти системы многонационального государства: конвергентную и дивергентную.

Анализ этнополитических исследований отечественных и западных политологов показал, что не в достаточной мере феномен легитимации власти используется в этнополитических и конфликтологических исследованиях. Если легитимация есть этический аспект власти, ее формирования в полиэтничном государстве зависим от этнических ценностей. Иными словами, формирование легитимной власти в политэтническом государстве является одним из главных вопросов этнополитологии и конфликтологии.

На основании цивилизационного подхода к этносоциальным процессам возможно выделение консенсусного и конфликтного потенциалов "западной" и "восточной" моделей этнополитики. Соответственно, можно говорить о двух типах легитимации в центрo-периферийной системе, различающихся по способу наполнения объема легитимации: демократической и деспотической.

Этнорегиональные особенности ("культурный ландшафт", этнодемография, религия, притяжение мировых культурных центров и др.) оказывают влияние на формирование ментальности по отношению к окружающему миру, следовательно, на построение собственной "пространственной концепции", свое видение собственной безопасности, основанной на выборе приоритета между этническим коллективизмом и индивидуальными свободами, определяющими разное понимание легитимности власти.

Столкновение цивилизационных ("этногенных") и формационных ("социогенных") элементов в этническом сознании в период модернизации выразилось в противоречии между тяготением этнических общностей к мировому близкому по культуре центру, с одной стороны, центру экономического благосостояния и политических свобод, с другой. По мнению автора, образование новых государств в истории и есть форма разрешения данного противоречия.

В период модернизации полиэтничного государства появляются новые источники легитимации власти: неравенство этнических общностей в социально-экономическом развитии, неравномерное протекание модернизации в этнонациональных ареалах, "ролевые установки" традиционных и модернизированных обществ, интенсификация международно-информационной коммуникации.

На процесс формирования легитимации власти в полиэтничной среде могут также влиять: недовольство этнической группы, вызванное политической, экономической и культурной дискриминацией; имеющиеся представления у этноса о жизненном уровне и путях улучшения своего экономического и политического положения; снижение авторитета и действенности политического центра; политическая организация

многонационального государства. Усиление этнической идентификации субъектов политического процесса связано с преобладанием цивилизационных элементов в общественных преобразованиях, что позволяет сделать автору вывод: ценности цивилизационного характера выстраивают пирамиду ценностных ориентации, формируя собственный тип легитимации политической власти в различных этнонациональных образованиях.

Легитимация власти в центрo-периферийной системе есть результат поиска и реализации "согласия" различных контактирующих ценностных систем, а также реальной обеспеченности данного процесса демократическими средствами и методами.

На основе анализа политического развития посткоммунистической Грузии можно говорить о легитимации насилия как модели этно-политики в период модернизации. В период декоммунизации системы опасным является для государства требование полной и немедленной реализации основных демократических принципов. То, что естественно и необходимо для развитых демократических систем, имеющих достаточно легитимных средств и возможностей для отправления власти, в условиях Грузии оказалось рискованным. "Избыток" демократии обернулся экстремизмом, национальным радикализмом. Осмысление этих новых, во многом спонтанных и неуправляемых процессов происходит с опозданием, поэтому есть основания характеризовать ситуацию как "когнитивную неопределенность". В этой обстановке возможным, а порой и единственным вариантом становится структурирование политического спектра вокруг этнических (национальных) проблем. Именно с помощью национальных идей, этнических ценностей легко завоевывается, оправдывается и отправляется политическая власть, влияние, ибо они обращены к элементарным интересам и эмоциям людей. В условиях трансформации общества обращение к этническим и национальным символам показывает, что они стали легитимизирующей силой, потому как:

- имели базовое основание, воспринимались людьми лично, как приоритетные, безусловно важные для них (язык, возрождение культуры и т.д.);
- имели "исторический шлейф", хранились в исторической памяти, возбуждали пережитое или переживаемое;
- , являлись компенсирующими, как бы восполняя тот ущерб, сохранялся в историческом сознании (национальная поте-

Предпосылкой адаптации власти преимущественно к насилию, легитимации насилия является состояние фрустрации-агрессии, в которой могут оказаться этнические общности в определенных условиях. результат этого может явиться получение властями санкции на применение силы.

На наш взгляд, в период модернизации "центр" подвержен "отвлечению" на решение проблем формационного характера, тогда как "периферия" ставит перед ним проблему синтеза цивилизационных основ с инновациями. Отсюда - власть "центра", чтобы быть интегрирующей (легитимной), должна обладать качествами общепризнанного авторитета, то есть "лучше всех" разрешать проблемы этого синтеза.

Итак, нами сделана попытка посмотреть на проблемы модернизации полиэтничного общества с точки зрения процесса формирования легитимной центральной власти. Поставленная таким образом проблема дает направление для более глубокого изучения феномена легитимации власти, а дальнейшие исследования цивилизационных основ легитимации власти как одного из важнейших ее аспектов позволят наблизиться к принятию неверных шагов в поисках решения проблем стабильности и устойчивости многонационального государства.

¹ К.Янг. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994, с.93.

-
- ² Белая книга Абхазии (Документы, материалы, свидетельства). - М., 1993, с.84.
- ³ Макиавелли Н. Государь. Избр. соч. - М., 1982.
- ⁴ Ferrero G. Potere. I geni in visi bili della citfa. -Milano, 1981. - P.346.
- ⁵ Weselowski W. Weberowska koncepcja legitimisacje: Ograniczenia i kontynuacje//Kulture i spoleczenstwo. W-wa, 1986, T.30, N 4. S.23.
- ⁶ Ortega y Gasset. I Auroto della ragione Storica. Milano, 1983, p.253.
- ⁷ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. - Tubingen, 1972, S.13-14.
- ⁸ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. - Tubingen, 1972, S. 122.
- ⁹ Тишков В.А. Этничность, национализм и государство. //Вопросы социологии. - 1993, N 1/2, с.6.
- ¹⁰ Философия власти / Под ред.В.В.Ильина. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993, с. 18.
- ¹¹ Pесога G. Introduzione/TPotere politico e legittimita. - Milano, 1987, p. 19.
- ¹² Лотман Ю.М. Тезисы к семиотике русской культуры. //Лотман Ю.М. и тартусско-московская семитическая школа. - М.: "Гнозис", 1994, с.412
- ¹³ Из письма Н.Горгодзе вице-президенту России А.Руцкому. Цит. по: А Аргун. Абхазия: ад в раю... Сухуми: Изд-во Алашара, 1994, 'с.149
- ¹⁴ См.: Национализм и формирование наций. Теории - модели - концепции. Отв. ред. А.И.Миллер. - М., 1994, с.26.
- ¹⁵ Макаренко В.П. Власть и легитимация. // Россия - США: опыт политического развития (Российско-американский политологический сборник). Ростов-на-Дону, 1993, с.91.
- ¹⁶ Прузаускас А. Мог ли быть вечным "Союз нерушимый" // Свободная мысль. 1992, N 2, с.7.
- ¹⁷ Брасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. - М.: "" Наука, 1990, с. 19.
- ¹⁸ "Дилигенский Г. "Конец истории" или смена цивилизаций? // Вопр философии. - 1993, N 3, - с.32
- ¹⁹ См. Пивоваров Ю.С. Николай Данилевский, в русской культуре и в мировой науке. //Мир России. - 1992. Т.1, N 1, с.163-216.
- ²⁰ Цымбурский В.Л. Критерии российской идентичности. //Полис, 1993, N5, с.19.
- ²¹ См.,: Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. – М, 1990.
- ²² Бердяев Н. Судьба России (Опыты по психологии войны и национальности). - М., 1990, с.140.
- ²³ См.: Лежава Г. П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX - 70-е гг. XX в.). - Сухуми, 1989, с. 13-21; Абхазия: документы свидетельствуют. 1937-1953 (Сб. материалов). Сухуми: Алашара, 1992
- ²⁴ Бердяев Н. Судьба России (Опыты по психологии войны и национальности). - М., 1990, с. 144.
- ²⁵ См.: Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. -М., 1991. с.46
- ²⁶ Умов В.И. Цивилизационная парадигма в свете геоэкономической и геополитической революции // Полис, 1995, N 1, с.149
- ²⁷ Цымбурский В.И. Сюжет для цивилизации-лидера: самооборона или саморазрушение? //Полис, 1995, N 1, с.137
- ²⁸ См.: Тойнби А.Дж. Постижение истории. - М., 1992, с.736
- ²⁹ Котанджян Г. Грани согласия - конфликта. - М., 1992, с.55-56
- ³⁰ См.: Chabry L. and A. Politique et minorietis au Proche-Orient. Les , raisons d'une escplasion. - Paris, Meisonneuve et Larose, 1985, pp. 15-60
- ³¹ Тамбиа С. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт // Этничность и власть в полиэтничных государствах. - М., 1994, с.216
- ³² Белая книга Абхазии (Документы, материалы, свидетельства). - М., , 1993, с.11
- ³³ Там же

-
- ³⁴ См.: Тишков В. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // *Вопр. социологии*. - 1993, N1/2; Вдовин А.И. Этнополитика и формирование новой государственности в России // *Кентавр*. - 1994, N 1, N 2; Этингер Я. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт // *Свободная мысль*. - 1993, N 3
- ³⁵ Национализм и формирование наций. Теории - модели - концепции. Ответств. ред А.И.Миллер. - М., 1994, с.11
- ³⁶ См.: Национализм и формирование наций. Теории - модели концепции / Отв.ред Миллер А И. - М., 1994, с IV
- ³⁷ "Rothschild I Ethnopolitics: A conceptual framework. NY., 1981, p.7
- ³⁸ Van den Berghe P Protection of ethnic, minorities: A critical appraisal // *Protection of ethnic minorities*. N.Y., 1981, p.2
- ³⁹ Yinger I.M. Ethnicity of complex societies: Structural, cultural and characterological factors // *The uses of controversy in sociology*. - N.Y., 1976, p.200
- ⁴⁰ Smith A. The diffusion of nationalism: Some historical and sociological perspectives // *Brit.j. of sociology*. L., 1979. Vol.29, T 2, p.245
- ⁴¹ Цит. по: Williams B. *Classact. Anthropology and ruceto nation across ethnic terrain*, p.410-419.
- ⁴² Там же, p.410
- ⁴³ Белая книга Абхазии (Документы, материалы, свидетельства). - М., 1993, с.29
- ⁴⁴ Там же, с.30
- ⁴⁵ Гумилев Л Н. Этногенез и биосфера земли - Л.: Гидрометеиздат, 1990, с.94
- ⁴⁶ Гумилев Л Н. Этногенез и биосфера земли - Л.: Гидрометеиздат, 1990, с.94
- ⁴⁷ См.: Игнатъев А.А. Ценности науки и традиционное общество (социокультурные предпосылки радикального политического дискурса) // *Вопр. философии*, 1991, N 4, с.3-30; Красильщиков В.А , Зиборов Г.М., Рябов А.В. Шанс на обновление России. // *Мир России*, 1993. Т.П, N 1.С.103-111
- ⁴⁸ См.: Игнатъев А.А. Ценности науки и традиционное общество (социокультурные предпосылки радикального политического дискурса) // *Вопр. философии*, 1991, N 4, с.3-30; Красильщиков В.А , Зиборов Г.М., Рябов А.В. Шанс на обновление России. // *Мир России*, 1993. Т.П, N 1.С.103-111
- ⁴⁹ См.: Plamenatz John. Two types of Nationalism. - E.Kamenka (ed.). *Nationalism. The Nature and Evolution of an Idea*. - London, 1976, p.23-28
- ⁵⁰ Бирнбаум П. Национализм: сравнение Франции и Германии. // *Вопр. социологии*. - 1993, N 1/2, с 44
- ⁵¹ Геллнер Э. Нации и национализм. - М , 1991, с 213
- ⁵² Snyder I.L. *Varieties of nationalism: A comparative study*. - N.Y., 1976, p.36-38
- ⁵³ Обращение участников собрания в с. Лыхны от 18 марта 1989 года. Газета "Бзыбь", 25 марта, N 37, с.3; "Абхазское письмо". Газета "Бзыбь", 1989, NN 17-29
- ⁵⁴ Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. - М., 1993, с.9.
- ⁵⁵ Там же, с. 29
- ⁵⁶ Там же, с.12
- ⁵⁷ Социально-политическая ситуация в постсоветском мире (январь, 1995)/ 1/33. М.: Центр этнополитических и региональных исследований, 1995, с.4
- ⁵⁸ См.: Schills E. *Introduction // Ethnic separatism and world politics*. - Lanham etc, 1984. P. 1-15
- ⁵⁹ См.: Февр Л. Бои за историю. - М., 1991, с.426-447; Смирнов В. П. Франция: страна, люди, традиции. - М., 1988, с. 34; "Билль о правах" // *Политология (энциклопедический*

словарь) - М., 1991, с.30-31.

⁶⁰ См.: Сюкияйнен Л. Р. Концепция мусульманской формы правления и современное государствоведение в странах арабского Востока. // Социально-политические представления в исламе. История и современность. - М., 1987.

⁶¹ Кудрявцев А.В. Ислам и государство в чеченской республике // Восток, 1994, N 3, с.64-71.

⁶² Duverger M. The Idea of Politics. The users of Power in Society. -Lnd: Methuen L Co Ltd., 1978, P.11-20.

⁶³ Duverger M. The Idea of Politics. The users of Power in Society. -Lnd: Methuen L Co Ltd., 1978, P.18.

⁶⁴ См.: Cohen, Saul B. Geigraphy and Politics in a Divided world. - Lnd., 1964, p.31.

⁶⁵ См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. - Часть III. Политика. М., 1898.

⁶⁶ См.: Соловьев С.М. История России. - Кн.1. М., 1959, с.76-78.

⁶⁷ Солоневич И.Л. Народная империя. - М., 1991, с.48.

⁶⁸ Прохоренко И. Л. Национальная безопасность и баланс сил. //Баланс сил в мировой политике: теория и практика. - М., 1993,с. 64

⁶⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис, 1994, N 1, с.35.

⁷⁰ Васильева О., Музаев Т. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. - М., 1994, с.5.

⁷¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990, с. 182.

⁷² Hechter M. Internal colonialism: The Celtic fringe in the British national development. 1536-1966. L.: Routhlege and Kegan Paul: Berkeley (Calif.); University of California Press. - 1975, XIII, p.30

⁷³ См.: Black E. The dynamics of modernization: A Study in comparative history. - N.Y., 1966

⁷⁴ Кейес Ч. Основа отношений между этническими группами в современных государствах-нациях // Этнические процессы в СССР и США: Материалы советско-американского симпозиума. - М., 1986, с.70

⁷⁵ Enloe C. Police, military and ethnicity: Foundations of State power. New Brunswick: L.: Transaction Book, 1980. P. 10

⁷⁶ Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. - М.: Наука, 1994, с.159-167

⁷⁷ Радаев В. В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис, 1993, N 5, с.79-87.

⁷⁸ Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В. Шанс на обновление России // Мир России, 1993. Т.П, N 1, с.106-107.

⁷⁹ Перепелкин Л.С. К вопросу о модернизации России // Мир России, 1993. Т.П. N 1, с. 154.

⁸⁰ См.: Parsons T. The Social System. - Glencoe, 1951

⁸¹ См.: Neuman W.M. American pluralism: A Study of Minority Groups and Social Theory. - N.Y., 1973

⁸² См.: Тишков В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопр. социологии, 1993, N 1/2, с.3-38; Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И. Переход к демократии в полиэтничном обществе // Полис, 1993, N 6, с.55-68; Скакунов Э. Этно-национальные конфликты и политическая стабильность России // Этнополис, 1992, N 2, с.110-117 и др

⁸³ См.: Spillerman S. "The causes of racial disturbances: a comparison of alternative explanations. //American Sociological Rewiew 35, 1970, p.627-649

⁸⁴ Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М, 1993, с.30.

⁸⁵ Там же, с.56

⁸⁶ См.: Dollard I. et al. Frustration and Aggression. New Hawen, 1939

-
- ⁸⁷ См.: Stouffer S.A. et al. The American Soldier: Adjustment during Army Life. - Princeton, 1949
- ⁸⁸ Gupp T.K. Why Men Rebel. - Princeton, 1971, p.24
- ⁸⁹ См.: Davies I.C. "Toward a theory of revolution". //American sociological Review. - N 27 (February). - P.5-18.
- ⁹⁰ Lenski G. Power and Privilege - N.Y , 1966, p.405-413
- ⁹¹ Пачулия В.П. Древняя, но вечно молодая Абхазия. - Сухуми, 1991, с.3-15
- ⁹² Geschwender J. "Explorations in the theory of Social Movements revolutions" // Social Forces. 43 (Dezember), p.248-256
- ⁹³ Корнелиус Х., Фэйр Ш. Выиграть может каждый (Пер. П.Е.Патрушева). М.: Стрингер, 1992, с.84-89
- ⁹⁴ Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993, с.8.
- ⁹⁵ См.: Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. - Сухуми,1990
- ⁹⁶ См.: Williams R.M. "Conflict and Social Order: A research Strategy for complex Propositions". //Journal of Social Issues. 1972, N 28, p.11-27
- ⁹⁷ См.: Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. – New Hawen, 1968